

Автор бестселлеров *The New York Times*

Вероника
под луной

~ ИНТРИГУЮЩЕЕ НАЧАЛО ~

ДЕАННА РЭЙБОРН

Деанна Рэйборн
Вероника Спидвелл.
Интригующее начало
Серия «#YoungDetective»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31523107

*Вероника Спидвелл. Интригующее начало : роман / Деанна Рэйборн:
АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-112515-8*

Аннотация

Англия, 1887 год. Похоронив обеих тетушек, молодая исследовательница Вероника Спидвелл планирует посвятить свою жизнь науке и путешествиям. Однако, вернувшись с печальной церемонии, она обнаруживает у себя дома взломщика, который к тому же пытается ее похитить! И лишь своевременное вмешательство загадочного немецкого барона избавляет девушку от печальной участи. Ее спаситель уверен, что Веронике грозит опасность, и предлагает уехать с ним в Лондон, пообещав там раскрыть все карты. Но стоит им приехать, как барон оставляет девушку в мастерской своего друга Стокера и исчезает. Наутро Вероника и Стокер узнают из газет, что барон убит, причем полиция подозревает Стокера – у молодого человека на редкость плохая репутация... Вынужденные скрываться, Вероника и

Стокер поневоле оказываются втянуты в водоворот событий – как забавных, так и пугающих.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	33
Глава четвертая	47
Глава пятая	58
Глава шестая	76
Глава седьмая	103
Глава восьмая	115
Глава девятая	128
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Деанна Рэйборн
Вероника Спидвелл.
Интригующее начало

Посвящается Пэм, за все

Глава первая

Июнь 1887 г.

Я смотрела в открытую могилу и мечтала выдавить из себя хоть одну слезинку. Бурные рыдания – это, конечно, проявление невероятно дурного вкуса, но мисс Нелл Харботтл была моим опекуном с самого детства, и пара слезинок стала бы проявлением должного уважения. Викарий пробормотал подходящие молитвы приятным, бархатным голосом, слегка запинаясь на каждом «с». Я впервые заметила эту особенность, и оставалось надеяться, что тетя Нелл не будет этим задета. Она была крайне требовательна в некоторых вещах, и хорошая дикция входила в их число. Со вздохом я положила в карман сухой платок. Смерть тети Нелл не оказалась ни внезапной, ни неожиданной, и наши отношения можно было назвать в лучшем случае чуть теплыми. То, что с ее смертью я окончательно рассталась с детством, не сильно меня беспокоило, когда я стояла на тихом церковном погосте в Литтл-Байфилде. Напротив, я с некоторым смущением ощутила, как во мне растет чувство некой эйфории.

И как будто в ответ на мое настроение подул легкий ветерок, и в нем закружились два бледных крылышка с черны-

ми краями и пятнышками. «*Pieris brassicae*», – пробормотала я себе под нос. Капустница обыкновенная, встречается на каждом шагу, но от этого не менее красивая. Она упорхнула на поиски молодой капусты или вкусных настурций, свободная как ветер. Я прекрасно знала, как она себя чувствует. Тетя Нелл была последним обязательством, связывавшим меня с Англией; теперь я стала совершенно свободной и могла идти по миру своим собственным путем.

Викарий завершил молитвы и подал мне знак. Я шагнула вперед и взяла горсть земли, не снимая перчаток. Это была хорошая земля: темная, мягкая, рассыпчатая.

– Какая бессмысленная трата, – пробормотала я. – Для сада она была бы полезней.

«Но это же и есть сад, – вдруг осознала я, обведя взглядом надгробия, выстроившиеся в плотные аккуратные ряды. – Сад мертвых, и его обитатели посажены в землю, чтобы мирно покоиться здесь до тех пор, пока труба Господа не призывает их восстать. По крайней мере, так им обещал викарий. Лично мне все это казалось очень сомнительным мероприятием. Вот, например, не будут ли вновь восставшие ужасно грязными?» Стряхнув с себя странные мысли, я шагнула вперед и бросила землю. В глухом стуке о крышку гроба мне послышалась некая завершенность; я отряхнула перчатки.

Кто-то деликатно тронул меня за локоть.

– Моя дорогая мисс Спидвелл, – сказал викарий, мягко увлекая меня за собой, – мы с миссис Клаттерторп были бы

счастливы, если бы вы зашли к нам немного подкрепить свои силы.

Он ласково улыбнулся.

– Знаю, вы не хотели устраивать ничего официального, но, может быть, просто чашечку чая, чтобы согреться? Ветер сегодня свежий.

Меня не особенно радовала идея пить чай с викарием и его скучной женой, но согласиться оказалось проще, чем придумать предлог для отказа.

Викарий повел меня через ворота церковной ограды по тропинке, ведущей к массивному и неуклюжему зданию ректории. Викарий говорил не умолкая, его слова журчали, как вода; он явно выполнял какие-то указания, преподанные ему в семинарии, например: «Успокоительные беседы с людьми, только что потерявшими близких». Я улыбнулась ему вежливой полуулыбкой, означавшей, что я слушаю, и вновь погрузилась в свои мысли. Но о чем бы я ни задумывалась, меня все время отвлекало странное чувство, будто за нами наблюдают. Я оглянулась назад и заметила в воротах человека, высокого, с красивой, прямой осанкой, которую джентльмен приобретает благодаря или многим поколениям с аристократическим воспитанием, или усердным наказаниям в лучших школах. В его усах, пышных, длинных и закрученных на концах в элегантные колечки, было что-то иностранное, и даже издавек я заметила тонкие следы старых шрамов, пересекавших его левую щеку. «Значит, немец, – решила я, – или

австриец. Такие шрамы могли быть только у тевтонов, ведь именно у них есть кровожадная привычка тыкать друг в друга саблями ради спортивного интереса. Но что за дело могло быть у аристократа с континента, заставившее его рыскать у церковного погоста в такой ничем не примечательной деревушке, как Литтл-Байфилд?»

Я повернулась к викарию, чтобы задать ему этот вопрос, но краем глаза уловила некое движение и поняла, что наш посетитель ускользнул. Я перестала думать о нем и вскоре уже сидела в душной гостиной в доме викария, с чашкой чая и тарелкой сэндвичей. Занятая утомительными сборами вещей в нашем коттедже, я не успела даже подумать о еде в часы, последовавшие за смертью тети Нелл. Я усердно принялась за сэндвичи и пирог; у викария была прекрасная кухарка.

Жена викария слегка приподняла брови, удивляясь моему непомерному аппетиту.

– Я рада, что вы в состоянии немного подкрепить свои силы, мисс Спидвелл.

Я ничего не ответила. Мой рот был занят тортом «Виктория», но даже если б и не был, кажется, в такой ситуации не существовало вежливого ответа. Викарий с женой обменялись многозначительными взглядами; викарий откашлялся.

– Моя дорогая мисс Спидвелл, мы с миссис Клаттерторп, конечно, живо заинтересованы в благополучии всех жителей нашей деревни, а так как вы и ваша тетя переехали сюда

относительно недавно, мы готовы предоставить вам любую возможную помощь и поддержку в эти трудные времена.

Я сделала глоток чая, с удовлетворением отметив, что он обжигающе горяч и достаточно крепок. Я ненавидела слабость любого рода, и прежде всего – в своем чае. Но то, что викарий подчеркнул наш «недавний» переезд в деревню, задело меня. Тетя Нелл и правда переехала в маленький коттедж в Литтл-Байфилд только после смерти тети Люси, около трех лет назад, но английские деревни вообще живут крайне замкнуто. Неважно, сколько носков она связала для бедняков или сколько монет собрала на ремонт церковной крыши, тетя Нелл всегда была бы здесь новичком, даже если прожила бы среди этих людей полвека. Я ощутила, как во мне зашевелился бунтарский дух, и решила, что теперь, после ухода тети Нелл, нет никакой необходимости его сдерживать.

– Она не была моей тетей.

Викарий моргнул.

– Прошу прощения?

– Мисс Нелл Харботтл не была моей тетей. Она так называла себя из соображений удобства, но мы не были родней. Мисс Харботтл и ее сестра, мисс Люси Харботтл, взяли меня к себе и вырастили. Если точнее, я была незаконнорожденной сиротой-подкидышем.

Жена викария выпрямилась на своем стуле.

– Дорогая, вы так открыто говорите о подобных вещах.

— А что, не следует? — спросила я как можно более вежливо. — Нет ничего постыдного в том, что я сирота, и даже в том, что мои родители не были женаты — по крайней мере, ничего, чего бы мне следовало стыдиться. Просто так уж мне привелось родиться, вот и все.

Еще один обмен многозначительными взглядами между викарием и его женой, но я сделала вид, что не заметила этого. Я осознавала, что мои суждения о подобных материях крайне необычны. Пока я росла, мы постоянно переезжали с места на место, и в каждой деревушке, какой бы милой и тихой она ни была, находился тот, кто начинал сплетничать и осуждать. Факт, что моя фамилия отличалась от фамилии моих опекунов, всегда вызывал подозрения, и очень скоро я начинала слышать перешептывания о том, что грехи отцов отражаются на детях, иногда из уст самой тети Нелл. Тетя Люси всегда меня защищала. Ее никогда не покидала теплая привязанность ко мне, но что касается тети Нелл, то ее характер испортился, а нервы расшатались из-за постоянных переездов. Она настороженно смотрела на то, как я росла, и со временем эта настороженность стала отдаленно напоминать неприязнь. Пока за мной присматривала тетя Люси, тетя Нелл редко осмеливалась облекать свои чувства в слова, но я понимала, что ее просто выводят из себя мое прекрасное душевное состояние и отменное здоровье. Думаю, она сочла бы более правильным, если бы у меня был горб или лицо в рытвинах, что выдавало бы во мне продукт гре-

ха. Я понимала: причина ее возмущения в том, что она оказалась отвергнутой, будто носила особую печать, и становилась объектом сплетен у того самого христианского люда, к которому она так страстно желала себя причислить, такого как, к примеру, Клаттерторпы.

– Боюсь, мы не имели удовольствия быть знакомы с сестрой мисс Харботтл, – начал викарий.

Я восприняла это предложение как просьбу рассказать подробнее и быстро проглотила кусок пирога, чтобы ее выполнить.

– Мисс Люси Харботтл умерла около трех лет назад в Кенте... Ой, нет, я ошиблась, – я в задумчивости постучала пальцем по лбу, – это было в Ланкашире, уже после Кента.

– В самом деле? Кажется, вы жили во многих местах, – заметила жена викария, и только по слегка поджатым губам можно было догадаться, что менять дома почти так же часто, как ботинки, не казалось ей признаком хорошего вкуса.

Я пожала плечами.

– Мои опекуны не любили подолгу жить на одном месте. Мы часто переезжали, и мне посчастливилось пожить почти во всех уголках этой страны.

Ее губы сжались еще сильнее.

– Я не могу этого понять, – решительно произнесла миссис Клаттерторп. – Это неправильно: срывать ребенка с места таким бесцеремонным образом. Нужно обеспечить постоянный дом тому, кого растишь.

У миссис Клаттерторп не было собственных детей, и она имела склонность к подобным заявлениям. Она также очень любила раздавать указания о том, как детей следует воспитывать, кормить, одевать и обучать грамоте. Ее муж, вероятно, уже научился игнорировать подобные высказывания, но я, будучи относительно новым человеком в деревне, пока еще к этому не привыкла.

Я посмотрела на жену викария так же отстраненно, как могла бы рассматривать раздавленную гусеницу.

– Правда? Я нахожу это довольно обыкновенным и очень полезным делом, – сказала я наконец.

– Полезным? – Викарий в удивлении приподнял брови.

– Я научилась общаться с очень разными людьми при разнообразных обстоятельствах, не нуждаться ни в ком для развлечения и ни от кого не ждать поддержки. Я обрела уверенность в себе и независимость и могу положиться на эти качества в нынешней ситуации.

Его брови вернулись на место.

– Да, вы как раз и подвели нас к самой сути этой беседы, – сказал он с видимым облегчением.

Прежде чем он успел продолжить, жена привычно перебила его.

– Дорогая, вы, без сомнения, сочтете нас излишне навязчивыми, – начала она, наградив меня взглядом, позволяющим мне именно так и поступить, – но нас с викарием крайне беспокоит ваше благополучие.

Я проглотила последний кусок пирога и стряхнула с пальцев крошки.

– Вы действуете из лучших побуждений, миссис Клаттерторп, я в этом не сомневаюсь. Но смею вас уверить: я сама могу прекрасно позаботиться о своем благополучии.

Мистер Клаттерторп казался немного обескураженным, но его супругу было не так легко смутить. Она сухо мне улыбнулась.

– Не сомневаюсь, что вы так считаете. Но юные леди, – сказала она с легким ударением на слове «юные», означавшим, что в действительности она подразумевала нечто совсем иное, – не всегда понимают, что для них будет лучше. Вы должны позволить нам руководить вами, отдав должное нашим годам и житейской мудрости.

Я взглянула на мистера Клаттерторпа, но не нашла у него поддержки. Он так внимательно изучал сэндвич с рыбным паштетом, будто это была самая интересная вещь на свете. Я его не виню. Мне кажется, что самым простым путем к спокойной жизни для него была капитуляция перед женой при всякой возможности.

– Как я уже сказала, миссис Клаттерторп, я уже все устроила сама.

Викарий радостно поднял глаза от сэндвича.

– А, так, значит, вы устроены? Ты слышала, Марджори? Нам не нужно больше беспокоиться о мисс Спидвелл, – закончил он, повернувшись к жене с веселой улыбкой.

Она сжала губы.

– Что бы там ни устроила мисс Спидвелл, я уверена, она быстро все отменит, как только узнает о моем разговоре с мистером Бриттенom сегодня утром, – сказала она с удовлетворением.

– Мистер Бриттен – это фермер с крепким хозяйством, очень преуспевающий, – продолжала она. – И с тех пор, как умерла бедная миссис Бриттен, он очень нуждается в жене для себя и матери для своих малышей. Вы станете матерью шестерых!

Я наклонила голову и смотрела на жену викария в задумчивости, размышляя над ответом. Наконец я решила сказать правду без всяких прикрас.

– Миссис Клаттерторп, мне сложно представить себе более печальную участь, чем быть матерью шестерых детей. Пожалуй, хуже может быть только чума, да и то, убеждена, несколько безобразных бубонов и вероятная смерть были бы для меня предпочтительнее материнства.

На секунду она стала белой как полотно, затем ее щеки запылали. Викарий вынул платок и закашлялся, но, когда я предложила ему помощь, отказался, добродушно отмахнувшись.

К миссис Клаттерторп вернулось самообладание, но она с такой силой вцепилась в подлокотники своего стула, что под тонкой кожей проступили все костяшки пальцев.

– Я слышала, что вы любите пошутить. Вероятно, вас

очень забавляет смущение благовоспитанной публики.

Я всплеснула руками и постаралась придать лицу нужное выражение.

– Нет-нет, что вы, миссис Клаттерторп, я никого не хочу смущать. Это как-то само происходит. У меня есть ужасная привычка: говорить то, что думаю, – а от такого сложно избавиться, так что теперь вы сами видите, что предложение выйти замуж за этого мистера Бриттена совершенно никуда не годится.

– Это не мое предложение никуда не годится, – холодно отчеканила она. – До сих пор я игнорировала слухи, долетавшие до моих ушей, относительно вашего поведения за границей, но раз вы сами настаиваете на честности, давайте поговорим начистоту.

Я улыбнулась ей с испепеляющей вежливостью и ответила самым ласковым голосом:

– Какие слухи, миссис Клаттерторп?

Краска, уже почти сошедшая, снова залила ее лицо; оно даже покрылось пятнами. Она метнула взгляд на мужа, но он поспешно наклонился, занявшись пуговицами на своих ботинках, чтобы спрятать глаза.

– Приличная женщина не должна говорить о подобных вещах, – ответила она, явно наслаждаясь возможностью заняться именно этим.

– Но вы сами затронули их в разговоре, – вежливо напомнила я. – Так что давайте поговорим открыто. Что за слухи?

– Ну что ж, прекрасно, – с вызовом сказала она. – Мне достоверно известно, что во время своего путешествия на Сицилию вы аморально вели себя с неким американцем.

Она осмотрела меня с ног до головы; в ее глазах читалось осуждение.

– О да, мисс Спидвелл, мы наслышаны о вашем нескромном поведении. Вам очень повезло, что мистер Бриттен готов закрыть глаза на подобные недостатки в своей будущей жене.

Моя улыбка больше напоминала волчий оскал.

– А кто же ему о них рассказал? Не отвечайте, думаю, я и сама догадалась.

Я поднялась и взяла перчатки. Викарий вскочил на ноги, но я жестом остановила его.

– Благодарю вас за вашу доброту во время тетиной болезни. Мы больше не увидимся. Уже сегодня вечером я отправляюсь в следующее путешествие.

Он заговорщически кивнул.

– Опять бабочки?

– А что же еще?

Он пожал мне руку, но, прежде чем я успела спастись бегством, миссис Клаттерторп вскочила на ноги и бросилась в новую атаку.

– Вы глупая и разнузданная особа, – решительно заявила она. – Вы не можете вот так, в одиночку, отправиться в большой мир и отказаться от перспективы прекрасно выйти

замуж за человека, который готов сквозь пальцы смотреть на несмываемый позор совершенных вами беззаконий.

— Я определенно намерена сама быть хозяйкой собственной судьбы, миссис Клаттерторп, но понимаю, каким странным это может казаться вам. Не ваша вина, что вы абсолютно лишены воображения. Я бы списала это на ваше образование.

Миссис Клаттерторп застыла с открытым ртом, беззвучно шевеля губами.

Я прошла мимо нее, но в прихожей обернулась.

— Да, кстати, и можете сказать своим источникам, что на Сицилии был не американец, а швед. Американец был в Коста-Рике.

Глава вторая

Шагая по тропинке к коттеджу «Королек», я вдруг осознала, какой легкой стала моя поступь. Нужно быть благодарной Клаттерторпам, – подумала я. Я чувствовала себя немного вяло после долгих мрачных месяцев, когда уходила тетя Нелл, но визит к викарию очень меня взбодрил. Мой характер всегда проявлялся в полной мере, когда кто-то пытался мне помешать; бедные тетя Нелл и тетя Люси узнали это на собственном горьком опыте. Я была упрямым, своенравным ребенком и, повзрослев, начала осознавать, чего стоило этим двум старым девам приспособиться к нему и найти для него место в своей жизни. Именно поэтому, став старше, я прилагала все усилия, чтобы обуздать свое упрямство и быть с ними веселой и спокойной. И по этой же причине мне пришлось в конце концов спастись бегством: при каждом удобном случае я меняла Англию на тропический климат, где могла предаваться своей страсти к лепидоптерологии. Во время первой же экспедиции по изучению бабочек, которую я предприняла в возрасте восемнадцати лет (тогда я месяц прожила в Швейцарии), я обнаружила, что мужчины могут быть почти так же интересны, как мотыльки.

Совершенно неудивительно, что я испытывала по отношению к ним такое любопытство. Ведь я выросла в доме, населенном исключительно женщинами.

Дружба с противоположным полом активно не поощрялась, и единственными мужчинами, кто хоть изредка показывался в наших дверях, были те, кто олицетворял собой важные профессии: врачи и викарии в выцветших черных плащах, с мрачным выражением лица. Деревенские мальчишки и кузнецы в кожаных фартуках были строго за пределами моего общения, и когда прекрасный экземпляр этого пола предоставил себя для более близкого изучения, я поступила так, как поступил бы всякий хороший студент-биолог. Первый поцелуй мне обеспечил пастух в лесу неподалеку от Женевы. Я наняла его проводником на альпийский луг, где можно было бы с пользой применить мой сачок для ловли бабочек. И пока я нацеливалась на *Polyommatus damon*, он нацелился на меня, и вскоре поцелуи показались мне даже лучшим развлечением, чем бабочки. По крайней мере, на один вечер. Этот опыт принес мне огромное удовольствие, но я ясно осознавала, с какими проблемами могу столкнуться, если не буду в достаточной степени осторожна. Вернувшись в Англию, я досконально изучила устройство своего организма и, вооружившись необходимыми знаниями и предосторожностями, а также экземпляром крайне информативного «Искусства любви» Овидия, в полной мере наслаждалась новым исследованием бабочек и еще более – незаконными удовольствиями.

Со временем я выработала ряд правил, от которых никогда не отступала. Хотя я и позволяла себе легкие увлечения

во время путешествий, но никогда не пыталась вступать в отношения в Англии или с англичанами, не допускала свободы в обращении с женатыми или обрученными джентльменами и ни с кем не поддерживала переписку по возвращении домой. Моими трофеями становились холостые иностранцы, привлекавшие меня своим обаянием, красивой внешностью, а также обходительностью. Это были курортные романы, легкие и недолговечные, как пух на одуванчиках, но от этого приносящие не меньшее удовольствие. Я безмерно наслаждалась ими в путешествиях и каждый раз возвращалась в Англию отдохнувшей, насытившейся и в прекрасном расположении духа. Я была бы счастлива рекомендовать такие занятия любой девице из круга моих знакомств, но достаточно хорошо понимала всю тщетность подобных предложений. То, что для меня было лишь полезными для здоровья упражнениями и милым флиртом, считалось ужаснейшим грехом для дам наподобие миссис Клаттерторп, а мир был полон Клаттерторпами.

Наклонившись, чтобы сорвать веточку раkitника, я подумала, что скоро все это останется в прошлом. Его лепестки пылали ярко-желтым цветом, напоминая о том, что скоро наступит долгое солнечное лето, которое я проведу не в Англии, — осознала я со смешанным чувством. Всякий раз перед началом нового путешествия я ощущала прилив ностальгии, острой, как игла. Эта поездка должна занести меня на другой конец земного шара, на край Тихого океана, и, ве-

роятно, на долгое время. Я провела долгие холодные весенние месяцы у постели тети Нелл, накладывая горчичники и читая вслух духоподъемные романы, и все это время мечтала только о жарких, душных джунглях на острове, где над головой порхают бабочки размером с ладонь.

Мечты хорошо отвлекали меня от вечного недовольства тети Нелл. Она была то раздражительной, то мрачной, негодовала на то, что умирает, и испытывала отвращение, оттого что не может сделать это быстрее. Доктор прописал ей большие дозы морфина, и она редко бывала в ясном сознании. Много раз я замечала, что она смотрит на меня, губы приоткрыты, будто собирается заговорить. Но не успевала я впросительно приподнять бровь, как она вновь закрывала рот и отсылала меня. Так продолжалось до тех пор, пока ее совершенно неожиданно не настиг последний приступ; тогда она пыталась заговорить, но поняла, что уже не может. Лишившись речи, она пробовала писать, но ее руки были очень слабы, непослушны после удара, который и сковал ее язык; она так и умерла с чем-то недосказанным.

– Скорее всего, она хотела напомнить мне, что нужно заплатить молочнику, – сказала я, вставив веточку раkitника в петлицу. Но я оплачивала счета за молоко так же быстро и эффективно, как вообще все, что я делала в последние месяцы. Все дела с доктором, мясником и пекарем уже были улажены. Я оплатила аренду коттеджа до конца квартала на Иванов день. Большая часть мебели была вывезена и прода-

на, осталось лишь несколько предметов, бывших в коттедже изначально: пара стульев, кухонный стол, страшно вытертый ковер да жалкий натюрморт, будто бы написанный человеком, не выносившим фрукты. Все имущество Харболлтов и последние из бережно собранных мною бабочек были проданы, чтобы спонсировать мою следующую экспедицию.

Все, что мне оставалось сделать, – это взять свой небольшой саквояж и оставить ключ от дома под половиком. При условии, конечно, что я смогу найти ключ. Народ в деревне удивительно свободно относился к таким вещам, как ключи, и к тому, чтобы дожидаться приглашения, – отметила я, остановившись у порога. Дверь коттеджа была приоткрыта, и я почти не сомневалась в том, что одна из деревенских матрон воспользовалась моим отсутствием, чтобы заглянуть ко мне со сладким или мясным пирогом мне на ужин. Тетя Нелл не была настолько популярна, чтобы собрать на свои похороны обитателей Литтл-Байфилда, но подходящая незамужняя девица могла привлечь к себе их всем скопом, с бисквитами и утешениями или, того хуже, непристроенными сыновьями. «Невестка с хорошими навыками сиделки стала бы огромной удачей для любой старой вдовы», – с содроганием подумала я. Я распахнула дверь, готовясь исполнить свой долг и предложить чая, но приветствие замерло у меня на губах. Гостиная была совершенно разгромлена, ковер – усыпан обломками плетеного кресла. Единственная картина (посредственный натюрморт) была изрезана, а рама – разбита в щеп-

ки; подушки при оконного диванчика вспороты, и пух из них до сих пор лениво кружил по комнате.

Когда мой взгляд упал на оседавшие на пол перья, я осознала, что, кто бы все это ни сотворил, он был здесь всего несколько минут назад. И тут же из кухни послышался скрип. Я была не одна.

Мысли так быстро пронеслись в моей голове, что я не успела все как следует обдумать. За моей спиной была открытая дверь. Я вошла бесшумно. Чтобы сбежать, мне достаточно было повернуться на каблуках и выскользнуть на улицу тем же путем, что и пришла. Но вместо этого моя рука будто по собственной воле потянулась к стойке для зонтиков и вытащила оттуда меч- трость, приобретенный мною в Италии.

Сердце забилося в предвкушении. Меч-трость был серьезной вещицей, сделан из хорошего, крепкого дерева. Я нажала на кнопку, чтобы приоткрыть футляр, и клинок высвободился с легким сопротивлением. Само лезвие притупилось, ведь уже несколько лет никто не натачивал его и не смазывал маслом, но мне приятно было смотреть на опасно блестящее острие. «Лучше колоть, а не рубить», – напомнила я себе, двигаясь в сторону кухни.

Шум и звон в ней подсказывали мне, что грабитель еще не улизнул, более того, не догадывался о моем присутствии. У меня было преимущество внезапности, и, вооружившись им, а также моим клинком, я распахнула дверь и издала крик,

который, в моем представлении, должен был напоминать боевой клич маори.

В тот же миг я осознала свою ошибку. Мужчина был огромный, и только тогда я сообразила, что пренебрегла существенной предосторожностью: соразмерить свои силы с силами противника до того, как бросаться в атаку. В высоту он был гораздо больше шести футов, а плечи имел такие широкие, что они перегородили бы любой дверной проем. Он был в твидовой кепке, низко опущенной на глаза и почти полностью скрывавшей лицо, но я различила огненно-рыжую бороду и недовольную гримасу от внезапного вторжения.

К моему удивлению, он не воспользовался преимуществом своей комплекции, чтобы одолеть меня; а вместо этого опрокинул длинный сосновый стол, чтобы преградить мне путь. Самым осторожным в этом случае было бы просто дать ему уйти, но я не видела особого обаяния в осторожности. При виде разгромленного дома во мне вскипел гнев, и, не успев принять взвешенного решения, я перескочила через стол и бросилась за ним по садовой дорожке. Он превосходил меня размерами, но у меня было преимущество на местности; в отличие от него, я знала здесь каждый уголок. Он бежал по мощеной дорожке к краю сада, туда, где проходила большая дорога, а я резко свернула налево, решив срезать путь через живую изгородь. Я нырнула в густые заросли и, запыхавшись, вынырнула с противоположной стороны как

раз в тот момент, когда он пробежал мимо. Я успела рывком ухватить его за рукав.

Он вздрогнул, глаза его широко раскрылись от удивления и смятения. Мгновение он колебался, и я подняла свой меч-трость.

– Что вы делали в коттедже «Королек»? – воскликнула я.

Он метнул взгляд в конец дороги, где его ждал экипаж, и, кажется, на что-то решился. Я вновь взмахнула мечом, но он просто подался вперед, отвел клинок в сторону одной мощной рукой, а другой крепко схватил меня за запястье. Он резко вывернул мне руку, и я, вскрикнув, выронила трость.

Он потащил меня к экипажу. Я упиралась изо всех сил, но совершенно без толку. Моя худенькая фигурка, хоть и достаточно спортивная и гибкая для ловли бабочек, не представляла сколько-нибудь ощутимого препятствия для преступных намерений этого типа. Я наклонила голову и вцепилась зубами в самую мясистую часть его ладони, у основания большого пальца. Он взвыл от боли и ярости и начал трясти рукой, но меня при этом не выпустил. Другой рукой он схватил меня за горло и сжимал тем сильнее, чем глубже я вонзалась в него зубами, словно терьер в крысу.

– Сейчас же отпусти ее! – послышался голос позади нас.

Я взглянула через плечо и увидела джентльмена с континента, которого заметила утром в воротах. Он был старше, чем мне тогда показалось; с такого расстояния я различила морщинки вокруг глаз и глубокие складки на обеих щеках, а

на левой – многочисленные шрамы от дуэлей. Но перед этим негодяем джентльмен не стал обнажать шпагу. Вместо этого он держал в руке револьвер, целясь прямо в мерзавца.

– Пусть проваливает к чертям! – прорычал тот и грубо толкнул меня прямо в руки джентльмена. Мой спаситель бросил револьвер, чтобы меня подхватить, и осторожно вновь поставил на ноги.

– Мисс Спидвелл, вы в порядке? – спросил он с большим беспокойством.

Я лишь простонала от нетерпения, так как грабитель уже добрался до конца дороги и вскочил в поджидавший его экипаж. Лошади сорвались с места, и повозка понеслась так, будто сами адские псы гнались за ней.

– Он сейчас уйдет!

– Думаю, это к лучшему, – мягко ответил мой герой, убирая револьвер.

Я повернулась к нему и тут заметила, что его бровь обильно кровоточит.

– Вы ранены, – сказала я, кивком указав ему на голову.

Он прижал к ране палец и слегка улыбнулся.

– Пожалуй, я уже староват, чтобы продираться через изгородь. – Он горестно усмехнулся. – Но, думаю, это не столь тяжелая рана, как мне доводилось получать прежде, – добавил он, и мой взгляд упал на шрамы на его щеке.

– И все же ее стоит обработать.

Я вытащила из кармана носовой платок (не смешной тон-

кий лоскуток, из тех, что носят модные дамы, а нормальных размеров квадрат из прочного батиста), прижала к его брови и, улыбнувшись, добавила:

– Никак не могла ожидать подобных приключений в такой деревушке, как Литтл-Байфилд. Спасибо вам за то, что вы так вовремя вмешались, сэр. Я была готова прокусить ему руку до кости, но рада, что необходимость в этом отпала. Он был не очень-то приятен на вкус, – добавила я с гримасой отвращения.

– Мисс Вероника Спидвелл, – пробормотал он, и из-за его средневропейского акцента это прозвучало немного хрипло.

– Да, это я. Мне кажется, у вас передо мной преимущество, – ответила я ему.

– Простите меня за столь неофициальное знакомство, – сказал он, протянув мне свою визитку. – Я барон Максимилиан фон Штауффенбах.

Карточка была из плотной бумаги и как будто дышала благосостоянием и хорошим вкусом; я провела пальцем по выпуклым линиям герба. Барон щелкнул каблуками и элегантно поклонился.

* * *

– Прошу прощения, что не приглашаю вас присесть, – извинилась я, когда мы вернулись в дом и зашли в кухню, –

и даже чашечки чая не предложу: как видите, недавно мой дом подвергся разбойному нападению.

Взгляд барона из-под тонких седых бровей стал суровым, когда он обвел глазами разгромленную комнату.

– Пропало ли что-нибудь важное?

Я подошла к полке, где обычно гордо стояла жестяная шкатулка для шитья в форме свиньи. Она упала на пол и закатилась в угол. Неудивительно, что взломщик не обратил на нее внимания. Тетя Люси твердо верила, что деньги нужно хранить на самом видном месте, аргументируя это тем, что большинство воров – мужчины, а мужчине никогда не придет в голову искать ценности в таком простом и уютном предмете, как шкатулка для шитья. Я опустилась на четвереньки, чтобы поднять ее. По традиции в ней хранилось все благосостояние Харботтлов: несколько банкнот и какое-то количество монет разного достоинства. Я потрясла ее, и она зазвенела, но не так весело, как до похорон.

– Нет, это единственная ценность в доме, и, кажется, ее не тронули. Странно, что он не открыл ее: может быть, просто не заметил в спешке. Кухню он просто вверх дном перевернул. Придется возиться здесь целую вечность, чтобы все убрать, – с досадой отметила я.

С минуту барон молчал, будто сосредоточенно что-то обдумывая, а потом встрепенулся, пробормотав про себя: «Да, иначе никак».

– Прошу прощения, барон?

– Ничего, дитя, – ласково ответил он. – Не хочу вас пугать, дорогая, но, думаю, сейчас мне следует говорить открыто. Вероятно, ваша жизнь в опасности.

– В опасности?! Уверяю вас, это не так. Здесь совершенно нечего красть, а этот вор уж точно не вернется после того, как мы припугнули его клинком и револьвером, – заметила я, но сомнения барона было не так легко развеять.

Он сжал мою руку, и я поразилась силе этих нежных, элегантных пальцев.

– Я не шучу. Я прочитал в газете заметку о смерти вашего опекуна и сразу отправился сюда, но обнаружил, что они меня уже опередили. Я практически опоздал.

Он резко умолк, будто сообщил больше, чем намеревался, но я уже ухватила за его слова.

– Вы сказали «они». Думаете, у грабителя есть друзья с преступными намерениями по отношению ко мне?

Он покачал головой.

– Вы видели экипаж. Какой разбойник будет разъезжать на собственной карете?! Дитя мое, я ничего не могу объяснить. Могу только сказать, что вам нужно срочно покинуть это место, сейчас же. Вы прогнали его, но он вернется, и не один.

– Вы его знаете?

Его пальцы сжали мою руку с еще большим отчаянием.

– Нет, не знаю, но могу предположить. И ваша жизнь сейчас, возможно, зависит от того, сумею ли я убедить вас, что

я не сумасшедший и говорю правду. Но как же мне вас убедить? Вы должны поверить! Я барон фон Штауффенбах, – беспомощно повторил он голосом, глухим от переживания. – Милое дитя, прошу вас, если вы не согласитесь отправиться со мной в Лондон, по крайней мере, позвольте мне посадить вас на поезд. Вы вправе отправиться в любой уголок земного шара, расходы я возьму на себя. Но я должен убедиться, что вы в безопасности.

Я всегда придерживалась принципа, что нужно прислушиваться к своей интуиции; так я поступила и на этот раз. Явное отчаяние этого джентльмена выглядело очень убедительно, но принять решение мне помогла его готовность позволить мне самой выбрать, куда я хочу отправиться. Да... в этот момент должны были появиться дрожь предчувствия, холодок предвидения того, что это решение – уехать вместе с бароном – окажется самым важным в моей жизни. Но ничего такого не было. Я испытывала лишь легкое удивление его взволнованностью и естественный душевный подъем, который я чувствую в начале всякого большого путешествия. Но сильнее всего этого было чувство холодного удовлетворения тем, что я сэкономлю на билете до Лондона. Позднее меня очень забавляла мысль, что в тот день моя жизнь изменилась из-за мелкой монетки.

Он указал на входную дверь:

– Мой экипаж ждет снаружи, и я полностью к вашим услугам.

– А что будет в Лондоне?

Он покачал головой:

– Мне придется все продумать в пути. Такого я не предвидел.

Он снова начал что-то бормотать, на этот раз по-немецки, и тогда я накрыла его руку своей.

– Я поеду.

Кажется, он помолодел на много лет.

– Слава богу!

Я немного отстранилась.

– Мне только нужно взять вещи.

Барон протестующе помотал головой.

– Милое дитя, мы не можем мешкать. Время для нас сейчас важнее всего.

Я ободряющее похлопала его по плечу.

– Дорогой барон, все уже собрано.

Глава третья

Я была верна своему слову и спустя десять минут после того, как пообещала барону отправиться вместе с ним, уже сидела в его экипаже, а мой саквояж и сачок лежали на сиденье рядом со мной. К остаткам богатства Харботтлов я приложила записку для хозяина дома и сочла этот вопрос закрытым. Я рассудила, что этой суммы будет достаточно, чтобы возместить нанесенный ущерб. Я забрала только собственные скромные сбережения, аккуратно спрятанные в потайном кармане жакета, сменила траурный наряд на костюм своей собственной модели, и барон с любопытством меня осмотрел.

– Вы совсем не такая, как я ожидал, – осмелился он наконец произнести, но голос его был добрым, а глаза излучали теплоту.

Я кивнула.

– Я редко соответствую чьим-либо ожиданиям. Я много раз пыталась, уверяю вас. Меня вырастили в убеждении, что я должна совершать добрые дела и вести себя правильно, благопристойно, но я все равно постоянно творю что-то неожиданное. Что-то во мне всегда выдает, кем я являюсь в действительности.

– И кто же вы, дитя?

– Женщина в поисках приключений, – ответила я серьезно.

но.

Барон смерил меня взглядом с головы до ног.

– И эти приспособления вам в этом помогают?

Я была очень горда своим костюмом. Прямые сапоги на шнуровке, доходящие почти до колен и защищающие, таким образом, нижнюю часть ног от колючек и веток во время охоты на бабочек. Я придала своему корсету более спортивную форму с помощью легких стальных косточек, которые в случае необходимости могли быть использованы в качестве оружия. На мне были облегающие брюки, заправленные в сапоги, а поверх них – узкая юбка со сложной конструкцией пуговиц, позволяющей поднять юбку до колена или полностью снять ее, чтобы скакать на лошади. Вдобавок у меня был подходящий жакет с целой системой потайных карманов; в один из них я спрятала свой талисман, с которым никогда не расставалась, – крошечную мышку из серого вельвета по имени Честер, последнее напоминание о детстве.

Единственным ювелирным изделием на мне был компас с крышкой, приколотый к жакету, – подарок от тети Люси в честь моей первой экспедиции. «Так ты всегда найдешь путь домой, девочка моя», – сказала она с блестящими от сдерживаемых слез глазами. От тети Нелл на мне ничего не было, кроме требования к безупречно белому воротничку. Этот любопытный костюм был шит из практичной темно-серой шерсти, но я позволила себе несколько малополезных дополнений. Серая шерсть была отделана завитками щегольско-

го черного шелка, а шляпа представляла собой верх совершенства. С широкими полями и удобной глубокой тульей, она была изготовлена из черной соломы и обернута длинным шелковым черным тюлем, который можно было опустить на лицо в случае, если вокруг окажется рой пчел. Сбоку я приколола букетик алых шелковых роз – всплеск яркого цвета, перед которым я не смогла устоять. Но даже от них была польза в поле, где они становились приманкой для изящных экземпляров с влажными крыльями.

Шляпа была придумана по вдохновению, и я отдельно пояснила это барону.

– Понимаете, мода на узкие поля вынудила женщин помимо шляпы носить еще и зонтик от солнца, но это означает, что у них всегда заняты руки. С этой шляпой я полностью защищена от атмосферных явлений, а руки ничем не обременены. Могу опустить вуаль, чтобы скрыть лицо, а шляпная булавка специальной конструкции вполне может служить оружием.

Я засмеялась.

– Барон, не нужно смотреть так взволнованно, я не собираюсь ею воспользоваться.

– Даже когда обнаружите взломщика в своем доме?

Я сложила руки на коленях.

– Да, кстати, об этом. Вы сказали, что считаете, будто моя жизнь в опасности, но вынуждена заявить: я думаю, что вы ошибаетесь. Нет, этот тип был обычным проходимцем в по-

исках легкой наживы. Несомненно, он, как и вы, прочитал в газетах о кончине бедной тети Нелл и понял, что коттедж будет пуст во время похорон. Это довольно распространенный случай. Парень был просто взломщиком, который воспользовался подходящим моментом, и я застала его врасплох, вернувшись немного раньше, чем он ожидал. Когда я погналась за ним, он взволновался от мысли о том, что кто-то видел его преступление, и попытался запугать меня, притворившись, что хочет меня похитить. Вот и все.

Взгляд барона изобразил страдание.

– Но если вы на самом деле не верите, что ваша жизнь в опасности, почему же вы согласились уехать со мной?

Я ответила подчеркнуто терпеливо:

– Потому что вы уезжали из Литтл-Байфилда. Я в любом случае собиралась покинуть его сегодня же, но вы очень благородно предложили мне сэкономить на билете до Лондона. Я перед вами в долгу.

Барон щелкнул языком и пробормотал проклятье по-немецки.

– А я-то думал, что убедил вас. Дитя мое, что я должен сказать, чтобы вы поверили, что вас поджидает ужасная опасность?

– Все это, без сомнения, не может быть так ужасно. Думаю, вы просто очень голодны. Я убедилась, что все кажется более мрачным, когда человек голоден или устал.

Я потянулась к саквою и расстегнула ремни.

– У меня есть немного яблок и сыра. К сожалению, хлеба нет, но и этого нам хватит до тех пор, пока не остановимся перекусить.

Я предложила ему яблоко и кусок запотевшего чеддера, барон взял их и повертел в руках.

– Яблоко уже стало мягким, но оно из сада в Литтл-Бай-филде и очень сладкое, обещаю, – добавила я.

Барон покачал головой.

– Мне не нужна еда, дорогая.

– А спиртное?

Я стала копаться в сумке в поисках фляжки и торжественно извлекла ее на свет.

– Немного какой-то жидкости, которую я раздобыла в Южной Америке. Прекрасно помогает успокоить нервы.

Он отдал мне еду, а фляжку взял и, сделав большой глоток, сильно закашлялся.

– Приятная вещь, – выдавил он.

Я оценивающе посмотрела на него.

– Рада сообщить, что у вас заметно порозовели щеки. Знаете, вы выглядели очень бледным. У вас проблемы со здоровьем?

– Сердце, – ответил он, возвращая мне фляжку. – Иногда дыхание, мне тяжело делать вдох. Иногда что-то болит в груди. Но я еще не завершил все дела.

– Дела? – я аккуратно уложила фляжку на место и завернула еду в чистое полотенце. – Какого рода дела?

– Позаботиться о вашей безопасности, – мягко ответил он, и именно доброта в его голосе особенно привлекла мое внимание. Я стала всматриваться в него, останавливая взгляд на запоминающихся чертах: аристократические брови, аккуратной формы губы под пышными усами, изящные руки, свободно лежащие на коленях, внимательные глаза, устремленные на меня.

– У вас ее глаза, – пробормотал он наконец. – Глаза вашей матери.

Мое сердце подскочило так сильно, что я чуть не задохнулась. С минуту я была неспособна говорить, а когда смогла, мой обычно низкий и спокойный голос стал вдруг очень высоким и торопливым:

– Вы были знакомы с моей матерью?! Как это удивительно. Признаюсь, я ничего о ней не знаю.

После некоторого колебания он сказал просто:

– Она была самым прекрасным созданием из всех, кого я когда-либо встречал.

Я криво усмехнулась:

– Тогда, значит, я ни капельки на нее не похожа.

Как я и ожидала, барон выразил бурный протест.

– Наверное, нет на свете другой такой хорошенькой женщины, которая бы совершенно этого не замечала, – решительно заявил он. Он взял меня за подбородок и покрутил мое лицо во все стороны, внимательно его рассматривая. – Вы похожи как близнецы. Это даже жутко – я будто снова

смотрю на нее: те же губы, скулы и, конечно, глаза. Ни до, ни после я не встречал людей с таким цветом глаз.

– Тетя Нелл обычно говорила, что непорядочно иметь фиолетовые глаза. Это такой же явный признак дурной натуры, как рыжие волосы или горбатая спина. А деревенские дети всегда дразнили меня злым эльфом и говорили, что меня подменили в детстве.

– Дети бывают очень глупыми, – сердито сказал барон.

– И скучными. Именно поэтому я не питаю никакого желания становиться матерью шестерых, – добавила я.

Он приподнял брови:

– Шестерых? Откуда такое удивительное число?

– Сегодня утром мне поступило удивительное предложение, но давайте не будем об этом. Конечно, я не хочу становиться оплачиваемой сиделкой, но и невесткой – тоже не хочу. Я уже достаточно ухаживала за пожилыми дамами, – в задумчивости добавила я.

– Но они были добры к вам? – спросил он, и его голос дрогнул от волнения. – Эти леди Харботтл? Они хорошо с вами обходились?

– О да. Меня кормили и одевали, и, кажется, я ни в чем не нуждалась. Каждый сезон мне покупали новое платье, и всегда было что почитать. Конечно, только благодаря тому, что мы брали книги в библиотеке. Мы так часто переезжали, что я не могла позволить себе иметь собственные книги. Тетя Люси всегда покупала подписку в местную библиотеку, как

только мы обживались на новом месте. Когда я стала старше, у меня появились свои интересы. Я много путешествовала, повидала почти весь свет, а когда понадобилась тетушкам, вернулась и ухаживала за ними. Это была довольно приятная жизнь.

– Вас утомляли все эти переезды?

Я улыбнулась.

– Честно сказать, ребенком я это просто ненавидела. Мне казалось, что мы срывались с места именно тогда, когда я успевала собрать хорошую коллекцию: яиц, лягушек, жуков. Мне всегда приходилось бросать то, что я люблю. Тетушками двигали их собственные капризы. Однажды мы целый год прожили в Лайме, а в следующий раз нам пришлось переезжать четыре раза за двенадцать месяцев. Я привыкла воспринимать это как данность, как и все дети. И это приучило меня легко относиться к любым поездкам.

Я прищурилась.

– Вы сказали, что знали их. Не припомню, чтобы я встречалась с их друзьями. Они жили очень замкнуто. И я ничего не знала о матери, даже ее имени. Что вы можете мне рассказать?

Барон открыл рот, будто собираясь что-то сказать, потом резко закрыл его и покачал головой.

– На данный момент – ничего, дитя мое. Это не моя тайна. Мне нужно получить позволение, перед тем как вам все рассказать, но обещаю: я его получу и, когда наступит под-

ходящий момент, все вам поведаю.

Я вздохнула. Сказать по правде, я была очень расстроена упрямством барона, но в его голосе звучали стальные нотки, говорившие, что он не изменит своей позиции в этом вопросе.

– Предполагаю, что этим мне и придется пока довольствоваться.

Барон сразу заметно расслабился, но только его лицо приняло успокоенное выражение, как его омрачила новая тень.

– Сейчас самое важное – убедиться, что вы в безопасности.

– Вы постоянно твердите о моей безопасности, но я ума не приложу, почему?! Уверяю вас, я самое неинтересное лицо во всей Англии. Невозможно представить, чтобы кто-то хотел мне навредить.

Я задумалась о том, что это было не вполне правдой. Последняя статья, написанная мной в «Британский журнал по лепидоптерологии», вызвала серьезные споры, но так как я всегда публиковала работы и осуществляла все сделки, связанные с бабочками, указывая лишь первый инициал и фамилию, никакой злой умысел не мог быть направлен против меня лично. Как бы я ни пыталась доказать тетушкам, что публикации в научных журналах – это подходящее занятие для ученого, они столь же непреклонно заявляли, что выполнять заказы коллекционеров – занятие, слишком напоминающее торговлю, а потому неприемлемое для леди. В конце

концов они, хоть и неохотно, согласились на то, что я буду продолжать свои исследования и публикации под псевдонимом: «В. Спидвелл».

К тому же меня никогда не беспокоило и даже, напротив, казалось занятным получать письма, начинавшиеся приветствием: «Дорогой мистер Спидвелл...». Конечно, я не раз выхватывала интересные экземпляры прямо из-под носа у менее усердных охотников, потому что была неутомима в своих поисках, но мысль о том, что кто-то из лепидоптерологов устроил против меня заговор, не вызывала ничего, кроме смеха.

Некое подобие улыбки тронуло губы барона.

– Буду молиться Господу, чтобы вы оказались правы и все несчастья, которых я так опасаясь, прошли стороной. Но до тех пор, пока я не буду полностью в этом уверен, вы позволите мне сопровождать вас?

Я внимательно посмотрела на него, выдержав его взволнованный, пристальный взгляд, и кивнула:

– Да.

– Ваше доверие совершенно неожиданно для меня, но очень лестно, – сказал барон.

– Я очень доверяю интуиции, барон. А моя интуиция говорит мне, что вы такой мужчина, на которого я могу положиться.

Я не стала добавлять, что он единственный в моей жизни ключ к информации о моей матери. И я не собиралась поз-

волить ему исчезнуть до тех пор, пока он не расскажет мне все, что знает о моих предках.

– Ваши бы слова да Богу в уши, – сказал он, и меня поразило, что всякий раз, как барон упоминал Бога, он делал это совершенно не легкомысленно. Какое бы дело ни было со мной связано, оно волновало барона до глубины души.

Тогда я подалась вперед, решив испытать удачу, пока представился подходящий случай.

– Можно задать вам один вопрос, барон? Обещаю больше ни о чем вас не спрашивать до поры до времени, пока вы сами не сочтете это возможным.

– Хорошо.

Я спросила прямо, надеясь, что именно такая манера ему понравится:

– Вы – мой отец?

Его доброе лицо отобразило глубокую печаль, но он не отвел взгляда.

– Нет, дитя мое, я бы сам этого очень желал, но это не так.

Острая и неожиданная боль кольнула мне сердце. Я думала, что мне безразличен ответ, но оказалось, я была права.

– Тогда мы просто будем друзьями, – сказала я и торжественно протянула ему руку. Другой мужчина мог бы рассмеяться. Но барон пожал мне руку, а затем нагнулся и галантно поцеловал ее.

– Будем друзьями, – согласился он. – И я сделаю все, что в моих силах, чтобы обеспечить вам возможность узнать то,

что вы так хотите знать.

– Благодарю вас, барон.

Я жестом указала на его бровь.

– У вас снова идет кровь. Это не очень хорошее предзнаменование, правда? Путешествие, начавшееся с кровопролития, предвещает недоброе, как говорили древние.

Я хотела пошутить, но барон даже не улыбнулся. И мне сразу тоже стало невесело.

* * *

Поездка до Лондона была настолько лишена событий, что навевала скуку, и я начала даже сожалеть, что мы не поехали на поезде. По настоянию барона мы из предосторожности плутали по проселочным дорогам, чтобы скрыться от моих потенциальных преследователей, а потому наш путь занял в два раза больше времени. Он также отверг все мои предложения остановиться где-то на ужин, купив вместо этого по баснословной цене несколько неаппетитных сэндвичей в придорожном трактире. Я с неохотой принялась за свой, а барон продолжал продумывать план. Он предложил и сам же отверг с десятков разных вариантов, потом безнадежно махнул рукой и тоже приступил к трапезе.

– Что-нибудь придумаем, – заверил он меня. – Но бесполезно размышлять о подобных вещах во время еды: от этого портится пищеварение. Так что давайте поговорим о чем-

нибудь другом. Скажите мне, раз вы не намерены становиться гувернанткой или компаньоном, какого рода приключения вас привлекают?

Я вытерла рот и начала объяснения.

– Я ученый, занимаюсь естественной историей, разными направлениями. Подписана на все основные журналы по научным исследованиям и изобретениям. Как вы можете заключить по моему сачку, лепидоптерология – моя любимая сфера. Я зарабатываю ловлей бабочек, выполняю заказы коллекционеров, у которых нет возможности или желания охотиться за новыми экземплярами самостоятельно, – добавила я.

Но барон меня не слушал. По его лицу пробежало изумление, он откинулся на спинку сиденья, так и не прикоснувшись к своему тоскливому сэндвичу.

– Ну конечно, – пробормотал он, – Стокер!

– Прошу прощения?

Барон пришел в себя.

– Мой старый и очень хороший друг, Стокер. Это как раз тот человек, который сможет нам сейчас помочь. С ним вы будете в безопасности, дитя мое.

Я нахмурилась.

– Барон, я понимаю, что чересчур бездумно приняла ваше предложение подвезти меня до Лондона и очень легко согласилась выполнить вашу просьбу, но сейчас, мне кажется, я не готова просто так пожить у вашего мистера Стокера. Вы

должны мне что-то о нем рассказать.

– Стокер – сложный малый, но я не знаю более честного человека. Он у меня в долгу, и его совесть не позволит отказать мне, если я обращусь к нему за помощью. Я мог бы доверить Стокеру самое дорогое, что есть у меня в этом мире.

– Вы доверили бы ему свою жизнь? – предположила я.

– Нет, дитя мое, я доверил бы ему вашу.

Глава четвертая

Было уже очень поздно, когда мы добрались до Лондона, или, пожалуй, очень рано, потому что, когда я проснулась, уже занимался рассвет и бледный перламутрово-серый свет заливал город.

– Осталось совсем немного, – пообещал барон и выпрямил спину. Последние несколько часов его плечи были опущены от усталости; мне удалось немного вздремнуть, положив голову на дорожную сумку, но барон все время следил за дорогой позади нас. Как только мы въехали в город, я поднялась, протерла глаза, пощипала себя за щеки и поправила шляпку. Прежде я бывала в Лондоне только проездом, по пути в другие страны, и все, что я видела, – это душные вокзалы и непривлекательные кебы. Мрачное величие раскинувшейся передо мной столицы очаровало меня.

– Вы любите город, – сказал барон с веселым огоньком в глазах. – Я думал, натуралист должен отдавать предпочтение сельской местности.

– Я люблю и то и другое, – ответила я затаив дыхание. – Но каждый приезд в Лондон – это начало какой-то новой истории.

Я наконец оторвала взгляд от вида за окном и улыбнулась барону.

– Я вот думаю, нужно ли научно разделить свою жизнь на

два периода: «до Б. Ш.» и «после Б. Ш.», то есть до барона Штауффенбаха и после него? Ну что, барон, вы приготовили мне большое приключение? – поддразнила я его.

Но барон не ответил. Карета остановилась, и он велел мне выходить; сам он взял мой саквояж, а мне остался сачок. Мои познания в географии Лондона были крайне туманны, и я смогла определить только, что мы находимся где-то к востоку от Тауэра, на северном берегу Темзы. Мы оказались в самом центре района доков, среди складов и дешевого жилья, населенного довольно грязными людьми, которые выглядели (и пахли) соответствующе. Над головой кружили чайки, высматривая себе пищу, а воздух был наполнен тяжелым, жирным запахом жареной рыбы.

– Мастерская Стокера на соседней улице, – сказал барон, взяв меня под локоть и ведя по разбитой мостовой. – Не самый благополучный район, но я счел неразумным останавливать экипаж прямо перед его дверью.

Он свернул в узкий проход, который вывел нас на другую улицу. Барон остановился у ничем не примечательной двери в конце еще более непримечательной стены. Она выглядела точно так же, как тысячи других дверей в Лондоне, а само здание казалось чем-то вроде склада: простая крепкая постройка с покатой крышей.

– Он здесь живет?

Барон кивнул.

– Здесь ему удобно работать.

Он резко постучал раз, потом еще раз, но ответа не последовало, и я начала уже сомневаться, не суждено ли нашему приключению закончиться, едва начавшись.

К моему изумлению, барон достал из кармана внушительную связку ключей и, минуту поколебавшись, выбрал один из них. Он отпер дверь, вошел и жестом велел мне следовать за ним. Затем он осторожно запер за нами дверь, а ключи положил обратно в карман. Мы оказались в своеобразной передней, и по множеству пустых коробок, разбросанных по полу, я поняла, что прежде это был магазин с примыкающим к нему сзади складом. Барон пригласил меня пройти, и мы вошли в складские помещения – ряд больших комнат, каждая из которых была грязнее и холоднее предыдущей и завалена всяческим мусором. Все окна выходили на южную сторону, из чего следовало, что этот склад был построен прямо над рекой. Сырой запах воды остро ощущался в воздухе, и даже полы были холодными и влажными. Наконец мы добрались до главного помещения, огромного пространства наподобие пещеры, и тут я с трудом подавила крик.

– Барон, вы привели меня в преисподнюю, – прошептала я с ужасом и восторгом одновременно, потому что это место напомнило мне картины, рожденные большим воображением Данте. Комната освещалась лишь жутковатым малиновым заревом из огромного очага, и в этом неровном свете я различила бесконечные крюки и полки, нагруженные каждая все более страшными и отвратительными предметами,

чем предыдущая. Из сумрака выглядывали части скелетов: длинные, закругленные на концах бедренные кости и ухмыляющиеся остромордые черепа с жуткими клыками. Невообразимые вещи плавали в банках с омерзительной желтой жидкостью, а шкуры различных животных, прибитые к стенам, выглядели так, будто их только что содрали с кого-то живьем. Большой железный котел, достаточно вместительный, чтобы сварить в нем человека, стоял у одной из стен, будто в ожидании очередного подношения.

Но ничто не могло сравниться в своей отвратительности со зрелищем, которое предстало нам в самом центре комнаты. Там стояло огромное существо, куски грубой плоти облепляли стальной скелет, морщинистая кожа местами закрывала его, но остальное безвольно и безжизненно свисало на пол, будто наспех снятая одежда. Под ним стоял человек, наполовину обнаженный, с блестящим от пота и испещренным черными пятнами телом: от сажи и копоти, смешанных с бесчисленными татуировками, покрывавшими его спину и руки. Он был одет в старомодные бриджи, заправленные в высокие сапоги, и повязан кожаным фартуком со множеством карманов для инструментов, которые казались настоящими орудиями пыток. Он сражался со шкурой животного, и мускулы его спины и плеч были напряжены до предела, а ругательства поминутно срывались с его уст.

Я почувствовала, что улыбаюсь. Это не преисподняя и не логово чудовища. Полки вдоль стены уставлены ящиками

Уорда¹, в которых содержались сотни, нет, тысячи образцов – самый настоящий музей естественной истории, спрятанный в мрачном складе на северном берегу Темзы. Мне очень захотелось сразу же приняться за изучение всего вокруг, но все же в первую очередь мое внимание привлекал этот мужчина.

– Стокер! – позвал барон.

Мужчина обернулся, все еще держа в руках шкуру животного, и его лицо немного осветилось языками пламени. До этого он наполовину был скрыт в тени, а сейчас постепенно выступил на свет. Левый глаз его был закрыт черной кожаной повязкой, тонкие белые шрамы пересекали бровь и скулу, спускались к шее, терялись в густой черной бороде, вились вокруг ключицы и всего обнаженного торса. Но я заметила, что раны заделали только кожу, а все мускулы под ними в полной сохранности, и вся фигура мужчины излучала жизненную силу, энергию и необузданную мощь. Он выглядел точно-точно как падший бог, работающий в своей мастерской.

– Гефест в кузнице, – пробормотала я, оживив свои познания в мифологии.

Барон метнул на меня быстрый оценивающий взгляд.

– Что, дорогая моя?

– Ничего, – сразу ответила я, потому что мужчина отложил инструменты и направился к нам. Потом он заметил ме-

¹ Ящик Уорда – стеклянный ящик для тропических растений, изобретение английского биолога Натаниэля Уорда.

ня и приостановился, потянувшись к рубашке. К моему сожалению, он надел ее, закрыв свою впечатляющую фигуру, и повернулся к барону.

— Какого дьявола, Макс...

Барон жестом прервал его.

— Отдаюсь на твою милость, Стокер. Эта юная леди — мисс Вероника Спидвелл. Я вынужден просить тебя о помощи: нужно, чтобы она пожила у тебя. Пока не могу ничего объяснить, но мне необходимо оставить ее с тобой.

Мистер Стокер посмотрел на меня испепеляющим взглядом, изучив все, от сачка для ловли бабочек до аккуратно приколотой шляпки, и покачал головой.

— Да черта с два.

— Стокер, я знаю, как ты дорожишь своим уединением, и я не стал бы тебя просить, но у меня просто нет выбора, — тихо, но решительно настаивал на своем барон.

Если бы у меня имелось хоть немного такта, я должна была бы чувствовать себя глубоко оскорбленной этой ситуацией. Но на самом деле я просто заскучала. Я почти не сомневалась, что барон одержит верх, и мне страстно хотелось взглянуть, что таилось в коллекции, собранной мистером Стокером. Я подошла к ближайшей полке и стала рассматривать один экземпляр, плавающий в банке. Это была маленькая премилая лягушка с огромными глазами и слегка удивленным взглядом.

Я слышала, как они тихо спорили за моей спиной, аристо-

кратические интонации барона смешивались с ругательствами Стокера. Я вытянула руку, и он резко окрикнул меня:

– Не трогайте! Я чуть не целый год убил на то, чтоб раздобыть эту проклятую лягушку, и найти ей замену практически невозможно.

Если он надеялся, что его резкость меня испугает, значит, следовало с самого начала показать, что это не так. Я взяла банку в руки и повернулась к ним с милой улыбкой.

– В таком случае вам следует лучше заботиться о ее сохранности. Герметизация в банке нарушена и защитный раствор испорчен. Кроме того, кажется, что экземпляр очень плохо закреплен. Жаль, очень жаль, ведь это такая милая маленькая *Phyllomedusa tomopterna*.

Его мускулы напряглись.

– Как ясно написано на этикетке, это *Phyllomedusa tarsius*.

– Да, я вижу, что написано на этикетке, но это неверно, что можно определить по окраске задних лапок. У этой они ярко-оранжевые, с выраженными тигриными полосками. А у *tarsius* лапки зеленые. Я, право, очень удивлена, что вы этого не увидели. Мне казалось, что такой неугомонный коллекционер должен был заметить эту разницу. Но, может быть, у вас просто не было возможности изучить ее более тщательно.

Мистер Стокер слушал меня с открытым от изумления ртом, но быстро опомнился.

– Уверяю вас, мисс Спидвелл, я прекрасно знаком с этим конкретным экземпляром, потому что сам раздобыл его в

джунглях Амазонки.

Я пришла в восторг. Конечно, его манеры были просто ужасны, а отношение к гигиене – сомнительное, судя по состоянию его рук, но всякий человек, побывавший на Амазонке, заслуживал того, чтобы с ним побеседовали.

Очевидно, мистер Стокер не разделял моего интереса к этому разговору, потому что он вновь повернулся к барону в последней попытке его переубедить.

– Мне некогда присматривать за твоими девицами, Макс. К следующему месяцу я должен закончить этого чертова слона – иначе лорд Розморран мне не заплатит.

– Дорогой друг, я бы не просил, если бы не было острейшей необходимости.

Мистер Стокер ничего не ответил, и барон, почувствовав, что побеждает, надавил еще:

– Прошу тебя об одной-единственной услуге, в память о тех опасностях, что мы пережили вместе.

Мистер Стокер залился краской.

– Это очень изощренная форма шантажа, Макс, – напоминать людям об их долгах. Хорошо, будь я проклят, но я всегда был человеком слова. Я все выполню, оставлю леди здесь до тех пор, пока ты ее не заберешь.

Барон похлопал друга по плечу.

– Этим ты отдашь свой долг сполна.

– Не могу понять, каким образом, – возразил мистер Стокер. – Властные девицы вовсе не в твоем вкусе.

Я прилежно пропустила оскорбление мимо ушей и вернула филломедузу на место. Барон сразу же собрался уходить, попрощавшись со мной как истинный тевтонец: склонившись над моей рукой и лихо щелкнув каблуками.

Он задержал мою руку в своей и внимательно посмотрел на меня.

– Дитя мое, оставляю вас под надежной защитой, более надежной, чем мог бы обеспечить сам. Вскоре я пришлю весточку.

– Да, постарайтесь поскорее, – ответила я с некоторым раздражением, сверкнув глазами на мистера Стокера. Но тот вместо ответа лишь презрительно скривил губы.

Барон как будто колебался.

– Вы должны понять, если бы это было в моей власти, я бы все вам рассказал...

Я жестом прервала его.

– Я немного узнала вас во время нашего путешествия. Вижу, что вы человек чести, барон. Мне совершенно ясно, что вы связаны жесткими обязательствами. И я должна их уважать.

– Вы их уважаете, но вам это не нравится, – добавил он, и я заметила огонек в его глазах.

– Очевидно, вы тоже немного узнали меня в пути, – заметила я. – Ну что ж, давайте попрощаемся на немецкий манер. Auf Wiedersehen, барон.

Он во второй раз щелкнул каблуками и пожал мне руку.

– Храни вас Господь, мисс Спидвелл.

Он ушел, и мистер Стокер проводил его до двери; вернувшись минутой спустя, он обнаружил, что я снова изучаю его экспонаты.

– Барон не говорил мне, что вы таксидермист, когда предложил остановиться у вас, – вежливо заметила я.

Он вернулся к слону и взялся за инструменты.

– Я натуралист, – поправил он. – Таксидермия – лишь часть моей работы.

Он не предложил мне ни присесть, ни поесть, но я и сама не собиралась церемониться. Я обнаружила изъеденный молю диван, заваленный грудой шкур, и немного отодвинула их в сторону, ровно настолько, чтобы примоститься на краешке. Я присела осторожно, потому что заметила, что у дивана не хватает одной ножки, и вместо этого он опирается на стопку истлевающих томов «Описания Египта».

– Сейчас очень поздно или же очень рано, но вы все еще работаете.

Он долго ничего не отвечал, и я подумала, уж не решил ли он изводить меня молчанием. Но он просто проверял клей, а когда начал его наносить, то бросил через плечо:

– Я еще не ложился. Как я понял со слов Макса, вы провели всю ночь в дороге. Если хотите поспать, скидывайте шкуры и располагайтесь на диване.

Я только вздохнула от такой негостеприимности, но усталость взяла верх над гордостью, и я начала снимать шкуры.

Вдруг что-то в этой куче зарычало, и я отскочила, чуть не опрокинув при этом коробку окаменелых яиц.

– Ради бога, смотрите, куда наступаете! – взревел мистер Стокер. – Это всего лишь Гексли. Он вас не тронет.

Я скинула шкуры и обнаружила бульдога, коренастого и плотного, который смотрел на меня с важностью генерала. Я достала из своей сумки кусочек сыра и протянула ему, а он радостно подвинулся, разрешая мне занять часть дивана. Я свернулась калачиком рядом с ним; мне было до странности приятно ощущать, как его теплая, покрытая черной шерстью спина прижимается к моему животу. Почти мгновенно я уснула.

Глава пятая

Я проснулась через несколько часов; мне было холодно, и все тело затекло. Огонь в камине погас, но мистер Стокер опять работал без рубашки, демонстрируя прекрасную мускулатуру и интригующую коллекцию татуировок. Некоторое время я сквозь опущенные ресницы наблюдала за тем, как он трудится, туго натягивая кусок слоновьей кожи на мягкую набивку каркаса. Я поняла, что для этого нужно большое мастерство, потому что иногда ему приходилось применять всю свою силу и напрягать все мускулы, чтобы придать тяжелой коже правильное положение; а иногда он почти уговаривал ее, а его пальцы становились ловкими, как у музыканта. Его речь тоже менялась: когда он потел и натягивал, то чертыхался, как матрос, а когда уговаривал, то обольстительно шептал, упрасывая зверюгу уступить ему. Тогда он казался моложе, не таким властным, и я вдруг поняла, что он, вероятно, всего на несколько лет старше меня, но что-то ожесточило его. Только когда он улыбался от удовольствия во время работы, его рот принимал более мягкие очертания – единственный признак доброты. Шрамы лишь подчеркивали его смелость, ведь животное, напавшее на него (кем бы оно ни было), лишило его глаза и чуть не отняло жизнь. Мне хотелось услышать эту историю, но я понимала, что спрашивать не стоит. Он не выглядел как чело-

век, склонный к откровениям, а подобная история неизбежно оказалась бы очень личной.

Поэтому я громко зевнула и потянулась, давая ему время снова надеть свою рубашку до того, как я встану. Гексли лизнул мне руку, и я дала ему еще сыра и весело потрепала его за ушами.

– Бога ради, он не комнатная собачонка! – зарычал его хозяин. Но Гексли только перекатился на спину, подставив мне свой живот. Я хорошенько почесала его, а затем встала и подошла к слону.

– Вы хорошо продвинулись. Я долго спала?

– Часа четыре.

– Впечатляюще! Вы так много успели сделать за такое короткое время, – заметила я.

– Это по-прежнему чертовски медленно, – пожаловался он и указал на остальную тушу зверя. – Сложность в том, чтобы сохранить этот отдел, не делая стежков. Зажимы не держат так крепко, как мне бы того хотелось.

– А как думаете транспортировать экспонат, когда он будет закончен? Вы же не собираетесь везти его по улицам Лондона? Его нужно будет собирать уже на месте.

Он закатил глаза.

– Да, я об этом подумал. Я все-таки немного соображаю, что бы вы там ни говорили про филломедузу.

Сейчас он работал над задней частью животного и обошел меня, чтобы посмотреть на полностью отсутствующую

переднюю половину.

– Невозможно смонтировать целого слона в один заход. Сама шкура весит больше тонны. Нужно все собирать по частям, и никто еще не сумел сделать это правильно. По крайней мере, пока. Это просто еще один эксперимент, шанс усовершенствовать процедуру до того, как приниматься за дело всерьез.

– Для покровителя? Мне кажется, вы говорили о лорде.

Он кивнул.

– Граф Розморран, дилетант и эксцентрик, но богат как Крез. Он приобрел огромного самца слона (кости и шкуру) в Восточной Африке. Раньше я монтировал по его прихоти других крупных млекопитающих, и он разрешил мне попрактиковаться на этом экземпляре поменьше, попытаться найти более совершенный способ изготовления чучела, прежде чем он позволит мне прикоснуться к главному трофею.

– И он вам за это платит? – спросила я, с сомнением взглянув на незаконченную заднюю часть слона.

Он скривился.

– Думаете, я стал бы это делать ради забавы?

Я многозначительно посмотрела на коллекцию экспонатов. Он тяжело вздохнул.

– Эти не стоят даже опилок, которыми набиты. Они сделаны по старой технологии и уже рассыпаются на части. Большинство их я приобрел за бесценок, просто чтобы разобрать

и понять, в чем их несовершенство. Прежде чем вводить какое-то новшество, нужно сначала понять старые ошибки.

Я ткнула в слона пальцем.

– А этот – тоже ошибка?

– Пока что да. Я хотел собрать его на его собственном скелете, но от этого не будет толка. Нужно сделать две отдельные экспозиции. Одна – кости, укрепленные на искусственном каркасе. А другая будет представлять собой животное в натуральную величину; оно должно выглядеть очень естественно благодаря тому, что шкура будет правильно натянута на основу, слепленную так, чтобы имитировать плоть. Вся сложность в его чертовски огромных размерах.

Мне даже понравилось, что он не стал извиняться за грубое выражение.

– Он должен быть собран воедино по частям, но я пока не могу придумать, как этого добиться, чтобы он не выглядел при этом как чудище Франкенштейна. И если не найду подходящего способа, он будет смотреться просто комично.

Я снова заметила черные полосы у него на руках – клей вперемешку с сажей, неизбежные признаки его профессии. Волосы были неухоженными: свисали ниже плеч старомодными спутанными черными локонами, с синим отливом в лучах утреннего света. Борода густая и нестриженная, а повязка на глазу и тонкое золотое кольцо в ухе окончательно придавали ему вид обедневшего пирата.

Я подошла к той части животного, на которую он указы-

вал, и всмотрелась в стежки.

– Вам нужна еще одна пара рук, – решительно заявила я. – Скажите мне, где держать, чтобы не испортить складки на шкуре.

Он колебался, и я нетерпеливо фыркнула.

– Мистер Стокер, предлагаю вам свою помощь. Мне скучно, и вполне вероятно, в последующие часы станет еще скучнее. Мы не знаем, как долго барон собирается держать нас тут вместе, но мы, по крайней мере, можем провести это время с некоторой пользой. Вам нужны дополнительные руки – они у меня есть. А теперь скажите, как мне их применить.

Казалось, он хочет возразить, но в конце концов Стокер просто показал место, и я стала крепко держать шкуру, пока он сшивал.

– Держите крепче, – прикрикнул он. – Сильней! Котенок и то справился бы лучше вас!

Я сжала сильнее, и он хмыкнул – как я уже поняла, это была наивысшая похвала, на которую я могла рассчитывать. Мы работали несколько часов, и наконец я почувствовала, что просто умираю от голода и жажды. Может быть, он ощутил, что моя энергия угасает, а может быть, и сам наконец-то немного устал. Во всяком случае, он принес буханку хлеба и сомнительного вида окорок и стал отрезать ломти складным ножом. Я достала из своей сумки несколько мягких яблок, и мы поели в абсолютной тишине.

Когда мы закончили, он извлек из коробки сигарету, под-

жег в очаге кусок скрученной бумаги и прикурил; набрал полные легкие ядовито-крепкого табачного дыма и выпустил его наружу с долгим выдохом.

Он поймал мой взгляд и ухмыльнулся.

– Где мои манеры?! Не желаете ли закурить? – спросил он, протягивая мне сигарету.

Я холодно посмотрела на него.

– Нет, спасибо. У меня есть свои.

С этими словами я подошла к своей сумке, вытащила пачку тонких сигарилл и прикурила одну из них так же, как это делал он: от очага, с помощью скрученной бумажки. Он смотрел на меня с изумлением до тех пор, пока я не выпустила идеально ровное колечко дыма, а потом завистливо хохотнул.

– Где вы этому научились?

– В Коста-Рике, – ответила я. – А в ваших сигаретах просто адский табак.

– Хороший табак сейчас дорог, а я бедняк, – с легкостью ответил он.

Мы курили в тишине, и мой взгляд невольно скользил по шрамам, исчезающим за глазной повязкой.

– Не надо меня жалеть, – сказал он повелительно. Воздух вокруг него явственно накалился от гнева, но я посмотрела на него холодно.

– Не понимаю, почему я должна вас жалеть. У вас две нормальные руки, две работающие ноги и сильная спина. Ка-

жется, мозг у вас лучше, чем у большинства окружающих, и, насколько могу судить, ваше зрение не ослаблено. Ума не приложу, по какой причине мне следует вас жалеть.

– Вы не были бы первой, – заметил он хмуро.

Я улыбнулась.

– Боюсь, вам придется приложить гораздо больше усилий для того, чтобы заслужить мою симпатию. Я много путешествовала по миру и встречала мужчин, у которых было в два раза меньше работающих конечностей, чем у вас, и вдвое больше вежливости. Если я за что-то вас и пожалею, так только за то, что вы так решительно стараетесь быть неприятным.

В ответ я услышала лишь некое рычание, но я уже сочла разговор оконченным. Я встала, аккуратно потушила окурок о подошву сапога и отряхнула руки.

– Если мы будем продолжать со слоном, мне нужен фартук. У меня в сумке всего одно сменное платье, и оно шелковое.

С этими словами я подошла к сваленной в кучу одежде и с трудом отыскала там нечто, достаточно длинное и чистое для моих целей. Я аккуратно повязала ткань вокруг талии и вернулась к работе, проверив по дороге клей в горшке у очага. Я подняла шпатель и посмотрела на янтарные волокна, точь-в-точь как сахарные нити.

– А он достаточно теплый?

– Нужно еще немного подогреть, – отозвался он, и я услы-

шала, что голос его стал немного мягче, чем прежде. Он показал мне, как подвинуть клей поближе к огню, чтобы размягчить, и как правильно наносить его на шкуру разными шпателями, а сам шил огромными иглами, делая маленькие, точные стежки, которым позавидовала бы любая швея.

Так мы провели много времени, погрузившись каждый в свое занятие, и спокойно работали до тех пор, пока в дверях не послышался шум и в комнату не заглянул мальчишка.

Это был чумазый ребенок лет десяти, но в его глазах читались ум и – при взгляде на меня – любопытство.

– Почта, мистер С., – сказал он, протягивая единственный тонкий конверт. Стокер взглянул на письмо и велел мальчишке бросить его в огонь.

– Но вы должны сперва прочесть его, – возмутилась я.

Он дернул своим большим плечом.

– Зачем? Я достаточно хорошо знаю, что там сказано, могу даже процитировать наизусть: «С глубочайшим сожалением вынуждены сообщить, что Ваша заявка на участие совместно с Королевским музеем естественной истории в предстоящей экспедиции в Перу отклонена». Продолжать? Я их все знаю слово в слово. Если хотите, могу положить их на музыку: нечто печальное и заунывное для дуэта гобоя и фгота.

Он изображал безразличие, но в его голосе явно слышались нотки горечи.

– Но сейчас может быть другой ответ, – логично заметила

я.

– О господи, все вы, охотники за бабочками, одинаковые: всегда стремитесь к лучшему и искренне верите, что найдете его!

Я намазала клеем разошедшийся шов.

– Именно. Понимаете, мистер Стокер, сложно что-то найти, если не искать хорошенько. Мне казалось, исследователь должен лучше разбираться в этом вопросе.

Он грубо фыркнул, а мальчик переводил округлившиеся от изумления глаза с одного на другого. Мистер Стокер обернулся к нему.

– Монета в жестянке, Баджер.

Мальчик подошел к полке, где среди неровной стопки книг была зажата помятая банка из-под сладостей. Он вытащил из банки единственную монетку, такую мелкую, что она практически ничего не стоила, и поблагодарил мистера Стокера. В ответ тот только хмыкнул. Парнишка попрощался со мной, тронув свой козырек, и одарил такой ясной улыбкой, что она сразу осветила его чумазую физиономию. Я улыбнулась ему в ответ, а он нагнулся, чтобы почесать Гексли за ухом.

– Баджер! – грубый окрик заставил мальчишку резко выпрямиться.

– Да, мистер Стокер?

– У меня несварение от того окорока, что ты вчера принес. Забирай его обратно и скажи этому чертову мяснику,

что он просто преступник, если смеет выдавать такой товар за хорошее мясо.

Мальчик бросился к окороку и завернул его в кусок мешковины так аккуратно, будто пеленал младенца.

– Я скажу ему, мистер С., – пообещал он и умчался прочь, прижимая к себе окорок как ценный груз.

Мистер Стокер продолжил работать молча, но его молчание было тяжело выносить, и я обрадовалась, когда он прервался, чтобы заварить нам по чашке скверного чая. Свой он пил из банки, в которой когда-то хранились консервированные персики, но мне досталась настоящая фарфоровая чашка, правда, треснутая и с отколотой ручкой. Я держала ее очень аккуратно, наблюдая, как он размешивает в своей банке огромное количество сахара обратной стороной кисточки.

– Сахар, если хотите, – он кисточкой указал на банку, но я вежливо отказалась. Он склонился над чаем, а я стала его рассматривать: сильные руки с широкими ладонями, огрубевшими и покрытыми шрамами, благородные брови, гордый нос. Наконец я покачала головой, и мистер Стокер, который, казалось, заметил мой испытующий взгляд, многозначительно посмотрел на меня.

– Только не говорите, что вы во мне разочаровались! – предположил он.

– Да, это правда, – спокойно ответила я. – Но, вероятно, не по той причине, о которой вы думаете.

– Знаю, вы считаете меня мужланом, грубым и плохо вос-

питанным.

Я пожала плечами.

— Ну, это мы уже давно выяснили. Ваши ужасные манеры меня не удивляют. Удивляет то, что вы лжец.

Он вздрогнул, его лицо залила краска гнева. Но он быстро взял себя в руки и ответил, стараясь изобразить беззаботность.

— Лжец... Должно быть, вы очень умны, раз сумели меня разоблачить.

— Не особенно. Я видела, с какой жадностью вы поглощали окорок, а также то, что в течение последующих нескольких часов вы работали совершенно спокойно: не кашляли, не сглатывали и не посещали отхожего места во дворе, что было бы признаком несварения. Напротив, вы работали с большим воодушевлением и энергией, как человек, находящийся в сознании и полном здравии.

Краска отлила у него от лица, и он отвел взгляд.

— Да, черт возьми, я соврал мальчишке.

— Сколько человек он пытается прокормить на свой скромный заработок?

— Семь: шестерых братьев и сестер и больную мать, — тихо сказал он.

— И мальчик слишком горд, чтобы брать милостыню, как я понимаю.

— Именно, — признал он.

— А вы слишком умны, чтобы ее предлагать. Подозреваю,

что у вас договор с мясником, чтобы он не принимал всерьез те сообщения, что вы передаете ему с мальчишкой.

Он поколебался, а потом выпалил:

– Да, черт возьми, он также получил от меня распоряжение отдавать им все потроха и кости, которые у него остаются, и записывать их на мой счет.

– Думаю, вы с трудом оплачиваете этот счет.

Ответом мне было гордое фырканье.

– Я сам с этим разберусь.

– У вас это не очень хорошо выходит, – заметила я. – Вы питаетесь какими-то отбросами, предпочитая тратить деньги на дешевый табак, сахар и (если я не слишком заблуждаюсь насчет аромата, исходящего от вашей персоны) отвратительный джин. При этом, мистер Стокер, вы обладаете честолюбием и замечательными навыками. Я большему научилась за несколько часов наблюдений за вами, чем за годы чтения книг и журналов. Вам бы следовало быть профессором в университете или полевым исследователем.

Его губы скривились в зарослях спутанной бороды.

– Вы сами видели, каковы мои перспективы. Мне не раз отказали.

Я взмахнула рукой.

– Вам отказало второсортное заведение, которым управляют шарлатаны и дураки. Всем известно, что директор получил свою должность только потому, что его тетя – любовница председателя совета директоров.

Он подавился чаем и кашлял так сильно, что мне пришлось встать и похлопать его по спине. Он вытер рот рукой и посмотрел на меня с большим любопытством.

– Мисс Спидвелл, я пешком прошел вдоль всей Амазонки, общался с туземцами, в меня дважды стреляли. Я чуть не умер в зыбучих песках от укуса змеи, отравленных стрел и одного особенно дикого ягуара. И до настоящего момента ничто меня так не удивляло, как вы.

– Я приму это за лучший комплимент, мистер Стокер.

Он наклонил голову и внимательно посмотрел на меня.

– Откуда вы знаете Макса?

– Барона? Я его не знаю, он просто сам вдруг появился.

Я не знала, что именно поведал ему барон, а потому свела свое объяснение к основным фактам.

– Я хоронила свою попечительницу, мисс Нелл Харботтл, а барон пришел выразить мне свои соболезнования. И был так добр, что предложил довезти меня до Лондона.

– И вы отправились с ним? Вот так просто?

Кажется, он совсем забыл про чай. Тот успел остыть и покрыться пленкой, пока мистер Стокер слушал мой любопытный рассказ.

– Это казалось разумным решением, – нашла я подходящий ответ. – По соседству был замечен грабитель, и барон убедил себя, что я в опасности.

– Да, он так и сказал: вопрос жизни и смерти, – подтвердил мистер Стокер, подражая интонациям барона.

Я могла бы рассказать ему всю историю целиком, но мне не понравился его тон. Пусть вломившийся ко мне в дом незнакомец пока останется секретом, о котором знает только барон.

Я пожала плечами.

– Это все фантазии пожилого джентльмена. Несомненно, многим дамам было бы невыносимо оставаться в одиночестве, в уединенном сельском доме, особенно когда по округе расхаживает преступник, но меня такая перспектива не пугала. Я могла бы остаться в коттедже «Королек», но в любом случае намеревалась вскоре оттуда уехать. Отправившись с бароном, я сэкономила на билете до Лондона. Мне всегда приходится думать о деньгах, – закончила я и уставилась на дно чашки.

Он ошетинился.

– Во всяком случае, вам не придется тратить их под моей крышей. Макс вручил вас под мою защиту. А значит, моя обязанность – давать вам кров и пищу до его возвращения, – сказал он мне очень рассерженно.

– Право слово, мистер Стокер, в этом нет никакой необходимости, я сама могу за себя платить, – попыталась возразить я.

– У меня остались лишь жалкие искры гордости, мисс Спидвелл. И прошу вас, позвольте мне ими согреться, – сказал он.

Он говорил обыденным тоном, но подсознательно я чув-

ствовала, что этот человек слишком низко пал в этом мире, и мне не хотелось ранить его еще больше.

– Тогда я просто должна поблагодарить вас за гостеприимство, мистер Стокер. Но и вы должны уважительно отнестись к моей гордости. Мне бы хотелось быть хоть в чем-то вам полезной, пока я здесь. Может быть, я могла бы немного убрать комнату, – предложила я с надеждой, взглянув на хаос вокруг нас.

– Троньте тут хоть волосок на голове ленивца, и я вас пристрелю, – мрачно сказал он. – Но вы можете продолжать помогать мне со слоном. Адова уйма работы для одного человека.

Я не стала обращать внимания на грубость. За последние несколько часов я уже к ней привыкла, и, если говорить начистоту, подобные слова добавляли разговору остроты, приятной для человека, столько времени проведенного под женское щебетание.

– Удивительно, что вы вообще принялись за это задание без толкового ассистента, – подумала я вслух.

– У меня нет средств для того, чтобы нанять ассистента, – напомнил он.

– И недостаточно благоразумия для того, чтобы отказаться от этого предложения, – добавила я.

Он снова вздрогнул, но я предупреждающе подняла руку, чтобы остановить тираду, явно готовую вырваться из его уст.

– Это не было критикой, мистер Стокер. Нет ничего пло-

хого в том, что человеку не чуждо честолюбие. По правде говоря, я даже считаю его необходимым качеством в наше время. Джентльмен не может в полной мере положиться на то, что его благородное происхождение сможет всю жизнь содержать его. Иногда обстоятельства требуют того, чтобы он сам прокладывал себе путь в жизни, и я могу только приветствовать такой энтузиазм.

Он прищурился.

– Почему вы говорите «джентльмен»?

– Потому что мне совершенно очевидно, что вы человек, на которого обрушились многие превратности судьбы. Коснулись ли они только вас или пострадала вся ваша семья, я не могу сказать. Но знаю, что вы были рождены не для того, чтобы пить чай из жестянки из-под персиков и носить залатанные сапоги. – Я многозначительно посмотрела на его ноги. – Я заметила, что ваши сапоги от Джона Лобба. Они старые, поношенные и аккуратно залатанные, но прекрасного качества и баснословно дорогие. Это говорит о том, что их хозяин не тот, кем кажется.

Он слушал меня, открыв рот от изумления.

– Но как, черт возьми, как вы могли это узнать?!

– Я была знакома с одним очаровательным молодым бельгийцем, который всегда заказывал всю обувь исключительно в этом заведении. Он рассказал мне обо всех важных признаках обуви джентльмена. Но, боюсь, вы сами выдали свое происхождение, мистер Стокер: тем, как вы произносите глас-

ные. Вы обращаетесь с ними аккуратно, как может только джентльмен, обученный этому с колыбели. Хотя ваши выражения до крайности красочны, но ваше произношение безупречно.

На это он сказал лишь очередную грубость, а я только улыbnулась, потупив глаза в чашку. Потом он замолчал, потягивая чай, и наступила на удивление успокаивающая тишина, которую я все же нарушила.

– А почему бы вам самому не отправиться в экспедицию, мистер Стокер?

Он зло усмехнулся.

– Мне кажется, мы уже обсудили состояние моих финансов, мисс Спидвелл. И вы достаточно знакомы с данной темой, чтобы самой знать ответ на этот вопрос.

Я покачала головой.

– Думаю, это вполне ожидаемо, но вы просто растеряли всю свою решимость.

– Простите?

– Поверьте, я вам очень сочувствую и вполне вас понимаю, мистер Стокер. Все невзгоды, с которыми вы столкнулись в своих экспедициях, в состоянии умирить пыл любого исследователя. Но ведь мы ученые, не правда ли? И можем отличить базовые металлы от драгоценных. Некоторые вещи при испытаниях очищаются и становятся крепче, а другие – разрушаются.

Он заскрипел зубами в ответ на такое выражение жалости.

– Уверяю вас, ваше сочувствие совершенно неуместно. Я не терял решимости, невыносимая вы женщина. Я делаю все, что могу, исходя из того, что имею.

Я опять покачала головой.

– Думаю, нет. Вы доверились Королевскому музею естественной истории, институции, которой, как мы оба знаем, правят невежество и алчность. И все же, как мне кажется, вы собрали все их отказы с тем же усердием, что и ваши трагически погибающие экспонаты. Скажите, сколько раз они вам отказывали?

– Раз двадцать, – проворчал он.

– О боже, мистер Стокер! Мне не хотелось бы добавлять к списку ваших недостатков еще и упрямство, но, боюсь, придется. Почему вы так настойчиво просите у них помощи, хотя все должно было быть наоборот?

Он открыл рот, чтобы ответить на оскорбление, но последняя фраза, видимо, показалась ему слишком загадочной, и он приказал:

– Объясните.

Я улыбнулась.

– Думала, вы и не спросите.

Глава шестая

Я пустилась в разъяснения (хотя менее снисходительные слушатели могли бы назвать это лекцией).

– Королевский музей естественной истории полностью зависит от исследователей, которые собирают для него экспонаты, наносят на карту новые неисследованные территории и привозят новые биологические виды. Вы именно такой человек, но они не хотят иметь с вами дело, без сомнения, потому, что им знаком ваш беспокойный нрав и отталкивающие манеры. Но тем не менее вы являетесь очень даровитым ученым. Достаточно бегло взглянуть на это помещение, чтобы понять, что вы собрали очень содержательную и информативную коллекцию, в каком бы поврежденном состоянии она ни была. Она просто великолепна, мистер Стокер. И если бы вы организовали собственную экспедицию на своих условиях, у музея не осталось бы иного выбора, кроме как самому прийти к вам и просить добытые вами образцы. Просто вы запрягли карету впереди лошади, вот и все, – объяснила я ему.

Он потряс головой, будто желая освободить ее от непонятных мыслей.

– Однажды я курил опиум. Это приблизительно как слушать вас, только более обыденно.

Я в задумчивости потерла лоб.

– Я тоже однажды его курила. Не могу сказать, что мне понравился аромат. Он пах цветами и порохом, что довольно приятно, но было там что-то еще, какой-то животный запах... Пожалуй, потная лошадь.

Но он вернул меня к нашей главной теме.

– Ну и как же, скажите, мисс Спидвелл, человек без сбережений и с сомнительными перспективами может спонсировать подобную экспедицию?

Я даже фыркнула от нетерпения.

– Право, мистер Стокер, полное отсутствие у вас воображения меня просто изумляет. Вы должны найти себе спонсоров. Богатые люди всегда стремятся потратить деньги так, чтобы можно было похвалиться перед друзьями. Поэтому вам необязательно искать особенных богачей. Можете дать объявление и принимать небольшие пожертвования от преуспевающих предпринимателей и прочих энергичных деятелей. Пообещайте им написать их имена на табличках или называть в их честь новые виды. Людям нравится, когда то, в чем они совершенно не разбираются, называют в их честь. И ваша экспедиция необязательно должна быть дорогостоящей. Ваше мастерство в подготовке и хранении образцов очевидно. А вы в состоянии сами их добывать?

Он кивнул в сторону особо свирепого вида чучела гиены.

– Прямо в сердце с двух сотен ярдов.

– Ну вот видите! Значит, вам нужны только несколько местных проводников и носильщиков, которые несли бы ва-

ши трофеи и ящики для экспонатов.

Впервые за это время он улыбнулся, слабо, но совершенно отчетливо.

– Мисс Спидвелл, экспедиции устроены немного сложнее. Я махнула рукой.

– И совершенно напрасно. Экспедиции становятся непомерно дорогостоящими потому, что это способ самолюбования. Большинство руководителей этих предприятий – дилетанты, джентльмены-ученые, которые непременно должны путешествовать в роскоши, и они берут с собой много столового серебра и льняного белья, чтобы всегда чувствовать себя как в лондонском отеле. А вы человек изобретательный. Неужели вам ничего не известно о бесстрашных дамах-путешественницах? Об Изабелле Берд² и Марианне Норт³? Они путешествуют по всему миру с вещами, которые помещаются в дорожную сумку. Я убеждена, что и вы в состоянии отправиться в путь с одной сумкой. Я вот намереваюсь это сделать.

Я указала на свой саквояж.

– За исключением сачка, все остальное, что мне нужно в этом мире, помещается в этой сумке, в том числе вторая

² Изабелла Берд (1831–1904) – британская исследовательница XIX века, писательница и натуралистка, ставшая первой женщиной – членом Королевского географического общества Великобритании.

³ Марианна Норт (1830–1890) – английская путешественница и художница, известная своими ботаническими иллюстрациями и пейзажами, а также открытиями новых видов растений.

шляпа и объемная банка розового кольдкрема. Не говорите мне, что вы неспособны путешествовать с таким количеством вещей. Я искренне верю, что мужчины могут быть такими же рациональными и благоразумными, как и женщины, если приложат определенные усилия.

Он покачал головой.

– Мисс Спидвелл, я даже не знаю, как отреагировать на такую оригинальную мысль. Вы очень высокого мнения о собственном поле.

Я поджала губы.

– Не обо всем. Как пол мы недостаточно образованны и инфантильны, вплоть до совершенного неразумия. Но те из нас, кто получил возможность учиться и занят полезным делом, доказывают, что все традиционные представления о женской хрупкости и беспомощности – абсолютная чепуха.

– Для столь небольшого человека у вас весьма широкие взгляды.

– Позволю себе заметить, что такие взгляды были бы широкими и для человека вашей комплекции, – парировала я.

– И где вы сформировали подобные взгляды? Вы учились в необычайно прогрессивной школе или ваша гувернантка оказалась радикалом?

– Я никогда не ходила в школу, и гувернантки у меня тоже не было. Моими наставниками были книги. Все, что я хотела узнать, я находила в них.

– Всегда существует предел в самообразовании, – заметил

он.

– Практически нет, как я выяснила. Я рассеяла все пред-
рассудки сторонников формального образования.

– Но они вас ни на что и не вдохновили. Хороший учитель
может изменить все течение жизни, – задумчиво добавил он.

– Может быть. Но зато я обладаю полной интеллектуаль-
ной свободой. Я изучала только те предметы, что были мне
интересны (иногда до стадии одержимости), и проводила со-
всем немного времени с тем, что совершенно меня не инте-
ресовало.

– С чем, например?

– С музыкой и шитьем. Я поразительно далека от tradi-
ционных женских занятий.

Он покачал головой.

– Я не слишком удивлен. – Но его голос при этом был
мягким, и я не восприняла эти слова как оскорбление. На
самом деле они были даже сродни комплименту.

– И должна признаться, что после Джейн Остин и «На-
ставлений» Фордайса у меня сформировалась глубокая
неприязнь к клирикам. И к их женам, – добавила я, вспо-
нив о миссис Клаттерторп.

– Ну, в этом я могу с вами согласиться. Скажите, часто ли
вы встречаете людей, разделяющих ваши взгляды?

– Поразительно редко, – призналась я. – Однажды я изло-
жила свои соображения викарию из Гэмпшира, и от этой бе-
седы его чуть удар не хватил. После этого я лишилась места

в цветочном комитете.

– Какая трагедия! – заметил он с уже известной мне издевкой в голосе.

– Вы даже не представляете! В деревне положение человека зависит от участия в различных комитетах и общественной работе. Меня перенаправили в госпиталь для выздоравливающих пациентов, и, надо признать, я обрадовалась этой перемене. Мужчины там не были и вполовину так скучны, как дамы, которые занимаются цветами, уверяю вас. Я очень расстроилась, когда спустя месяц лишилась и этого места.

Он ухмыльнулся.

– По какой причине?

Я слегка передернула плечами.

– Потому что я ампутировала палец на ноге без разрешения.

– Вы шутите?

– Я никогда не шучу, если речь идет о гангрене, мистер Стокер. Я читала пациенту, когда он пожаловался на определенный дискомфорт в данной конечности. Я осмотрела его и с прискорбием убедилась, что бедняга страдал от гангрены. Нужно было срочно ампутировать палец, иначе сепсис распространился бы дальше, и парень мог умереть.

– И, вероятно, в госпитале для выздоравливающих не было никого более компетентного в ампутации конечностей, ну, например, настоящего врача?

– Конечно, был, – терпеливо объяснила я. – Но он в тот

момент обедал.

– И вы не могли подождать час до его возвращения?

– С сепсисом не шутят, мистер Стокер. Всем было известно, что воскресные обеды доктора сопровождались обильными возлияниями ирландского виски. Вполне вероятно, по возвращении он не был бы в состоянии удалить даже заусенец. И вот я спросила Арчи, хочет ли он, чтобы я взяла дело в свои руки, и он ответил, что был бы рад, если бы я стала его врачом, так что между собой мы прекрасно договорились.

– Но почему же против вас не выдвинули обвинения? – спросил он. – Практиковать медицину без соответствующей лицензии совершенно незаконно.

Я поморщилась.

– Право, мистер Стокер, я думала, что вам должно быть знакомо понятие «действие, предпринятое в чрезвычайных обстоятельствах». Доктор и сам признал, что все было выполнено очень аккуратно. К тому же, если бы началось расследование, он подвергся бы дисциплинарным взысканиям из-за того, что находился в состоянии опьянения. Я согласилась просто тихо уйти, а он согласился забыть об этой истории, и это было самое разумное решение для нас обоих в данных обстоятельствах.

Я расправила юбку.

– Но мы отвлеклись. Вы так ничего и не ответили мне о том, может ли, по вашему мнению, человек путешествовать налегке, со всем необходимым для комфортной жизни.

Он с подозрением прищурился.

– Если таким образом вы напрашиваетесь на приглашение, то можете не надеяться, что я возьму вас с собой, если отправлюсь в экспедицию. Мне не нужны лепидоптеро-логи-любители.

– Я не любитель, – резко ответила я. – Я добывала образцы для самых известных коллекционеров в нашей стране и за границей.

– В самом деле? И каковы же ваши расценки? Скажите как профессионал профессионалу, – грубовато спросил он.

– Три фунта за экземпляр средней величины. И, естественно, я беру больше за специальные заказы.

– Три фунта! Вы что, сначала покрываете эти чертовы экземпляры золотом? Да это же настоящий грабеж!

– Это стандартная цена за качественные образцы, а мои – самые лучшие, – парировала я. – И не бойтесь, мистер Стокер, если бы я хотела отправиться в настоящую экспедицию, я выбрала бы руководителя более уравновешенного и инициативного, чем вы. К тому же я хорошо знакома с узостью и неоригинальностью мышления мужчин-исследователей, и я никогда не хотела бы работать под их началом. Мне вполне достаточно личной экипировки. Все свои путешествия я предпринимала по собственной инициативе. Я еду туда, куда сама захочу.

К моему удивлению, он не принял мой укол за оскорбление.

– И куда вы намереваетесь отправиться сейчас, мисс Спидвелл?

Я в задумчивости потерла лоб.

– У меня в планах был Малайский архипелаг. Думаю, хорошо было бы найти там кого-то из рода *гиполимнас*. Особенно прекрасна *болина*, и я уверена, что без труда найду на нее покупателей. Пожалуй, мне даже придется отбиваться от них зонтиком, если моя задумка увенчается успехом.

Труды предыдущей ночи и этого дня, кажется, наконец утомили его окончательно, потому что он широко зевнул.

– Вам нужно отдохнуть, – сказала я, будучи почти уверена, что он откажется из чистого упрямства. – Знаю, вы работали над слоном почти непрерывно, и отдых позволит вам вернуться к делу со свежими силами. А я буду счастлива провести время за чтением, если вы позволите мне воспользоваться вашей библиотекой, – добавила я и кивнула в сторону полка, прогибающихся под весом внушительных томов.

Он открыл было рот (явно для того, чтобы возразить), но я строго забрала у него из рук банку с чаем.

– Вы правда выглядите совершенно разбитым.

Если бы я была чуть более стеснительной, он, без сомнения, просто выругался бы и сразу вернулся бы к работе. Но я вела себя решительно, и он позволил забрать свою банку и закинул ноги на диван. Почти в тот же миг, как его тело заняло горизонтальное положение, усталость одолела его, и он уснул. Гексли возмущенно вздохнул, потому что его хо-

зьяин был гораздо больше меня, и с ним было трудно делить диван. Он ретировался под него и снова захрапел, а я стала исследовать мастерскую.

Я подошла к полке с экспонатами, чтобы рассмотреть ящики Уорда, очень изящно сработанные, на каждом красовались маленькие металлические таблички с вырезанными на них буквами «Р. Т.-В.». Я водила по ним кончиком пальца, и тут у меня возникло подозрение.

– Р. Т.-В., – пробормотала я. – Ревелсток Темплтон-Вейн. Вот это интересный поворот.

Я постаралась припомнить все, что знала о прославленном исследователе и натуралисте, но фактов было очень мало, к тому же я находилась на другом конце света, когда его история заполонила английские газеты. Звезда среди натуралистов, он зарекомендовал себя как блестящий ученый благодаря серии статей, в которых пересматривал противоречащие друг другу взгляды Дарвина и Гексли на естественный отбор. Но все рухнуло в провальной экспедиции в... Куда же? Я напрягла память, но не могла припомнить до тех пор, пока в уме не всплыло краткое упоминание мистера Стокера об Амазонке. Да, это она и была. Он возглавил единственную экспедицию в Южную Америку, и именно это путешествие стало свидетелем того, как вся его карьера разбилась о рифы бесчестия. До меня долетали только обрывки сведений о его провале, но слухов ходило множество, а сам он на долгие годы исчез из научного сообщества.

Но вот передо мной были его ящики Уорда, сосланные в заброшенный склад на берегу Темзы. Его имя также навело на определенные мысли. Не требовалось особого воображения, чтобы вывести Стокера из Ревелстока. «Вот так некогда сверкающая комета, чей свет сиял так ослепительно, упокоилась сейчас во тьме и бедности», – размышляла я, обводя взглядом обветшалую комнату.

Я провела пальцем по одному из ящиков, и он оказался черным. Я встрепелась. Неразумно было сидеть без дела, когда вокруг столько грязи. Как ученый я против беспорядка и давно уже обнаружила, что ничто так не мешает мыслительному процессу, как хаос. Пока мистер Стокер дремал, я подмела пол, выбросила мусор на задний двор, который я обнаружила за мастерской. Я вычистила золу из очага и аккуратно собрала ее в ведро, оставив толстый слой под решеткой. Ее я отполировала и заложила новую топку. Огонь весело затрещал, а я стала рыться в скудных запасах провизии в надежде приготовить суп. Я почистила большой котелок, наполнила его водой и поставила закипать в надежде, что хотя бы в недавнем прошлом в нем не хранилось ничего отвратительного. Я нашла говяжью кость, еще недавно очень приличную, и бросила ее в котелок, добавив несколько дряблых морковок вместе с ботвой и луковицу с молодыми зелеными ростками. На заднем дворе я обнаружила пробивающуюся ароматную травку, хоть и чахлую, мелко порезала ее и также добавила в котелок. Соли были огромные запасы (вероятно,

он использовал ее во многих препаратах), и я решила, что он не станет возражать, если я немного позаимствую для супа. Я бросила ее в воду вместе с раскрошенными остатками хлеба от предыдущей трапезы, чтобы похлебка загустела. Пока она кипела, я нашла ложки и почистила их золой, натерев до блеска.

После этого я продолжила убирать мастерскую: вытерла пыль с коробок и ящичков, выровняла книги на полках и счистила с липких рабочих столов въевшуюся грязь. Бесконечные кипы газет, как я с интересом обнаружила, служили ему материалом для рисования: почти на всех полях виднелись маленькие рисунки – лица и корабли, растения или животные. Я осознала, что он был талантливым художником: в нескольких линиях карандашом или углем он изображал самую суть предмета. Я сделала немало набросков и рисунков своих бабочек и могла отличить истинный талант с первого взгляда. Техника была грубой и неаккуратной, но талантом он намного меня превосходил.

Я сложила газеты в аккуратные стопки, не разбирая их, но проглядывая заголовки, чтобы хоть приблизительно понять, что я пропустила за годы странствий по миру. Часто мелькали ирландский вопрос⁴ и восстание махдистов в Су-

⁴ Ирландский вопрос – проблема национальной независимости и единства Ирландии, возникшая в результате завоевания и колониального порабощения этой страны Англией, начавшегося в последней трети XII в. и длившегося более 400 лет. Оно лишило ирландский народ национальной государственности, подчинив его верховной власти английской короны.

дане⁵. Регулярно появлялись пруссаки, но в этом не было ничего удивительного. Пруссак постоянно замыслили что-то низкое. А на западе Соединенных Штатов впечатляло количество вооруженных стычек. Но и это, вообще-то, не было новостью. По моему опыту, американцы очень дружелюбны, но при этом обожают свое огнестрельное оружие. Я отложила газеты в сторону и перешла к полкам с бутылками, содержащими химические препараты. У него была их целая коллекция: масса ядовитых, все легковоспламеняющиеся, а несколько могло вызвать сильные ожоги при контакте с открытой кожей. Во многих бутылках хранились различные консервирующие растворы, а одна этикетка просто рассыпалась у меня в руках, когда я до нее дотронулась. Я решила установить содержимое опытным путем, и когда понюхала раствор, в нос мне ударил резкий, отталкивающий запах формальдегида. Я отодвинула бутылочку подальше от края и продолжала уборку до тех пор, пока не придала всему помещению некое подобие порядка. С удивлением я обнаружила сборник романтической поэзии, примостившийся под горшочком с клеем, и уже собиралась устроиться поудобнее и почитать, как вдруг за спиной услышала гневный возглас: – Черт побери, я же просил ничего здесь не трогать!

Мистер Стокер проснулся и, морщась, сидел на диване,

⁵ Восстание махдистов – антиколониальное восстание в Судане, которое возглавил Мухаммад Ахмад, объявивший себя «Махди» (мессией). Привело к тому, что в разгар «драки за Африку» европейцы на 13 лет были вытеснены из Судана.

разрабатывая одеревеневшие во сне мышцы.

– Я ничего не передвигала, – заверила я его. – Просто поровнее сложила книги и корреспонденцию, чтобы ничего не падало, и приготовила еду. Я бы поменяла консервирующую жидкость в некоторых из этих устрашающих банок, но, кажется, это не просто этиловый спирт, и я побоялась навредить экспонатам, изменив раствор.

– Ну хоть на это у вас ума хватило, – ворчливо признал он. – Раствор моего собственного изобретения.

– И не очень эффективный, – сказала я ему, указав на банки с новорожденными поросятами, плавающими в пенистой желтой жидкости.

– Это были первые попытки, их цель – обнаружить недостатки моей формулы, – едко ответил он. – И если ваше величество будет так любезно посмотреть образцы на *этой* полке, думаю, вы признаете, что раствор прозрачен, как ирландский хрусталь.

Я выполнила его просьбу и одобрительно кивнула.

– Отличная работа. Может быть, лучшие заспиртованные образцы, которые я когда-либо видела. Вы используете обыкновенный формальдегид? Нет, конечно, вы мне не скажете. Не нужно даже было спрашивать. Я бы очень хотела посмотреть, как вы монтируете свои образцы. Я научилась только правильно засушивать бабочек, но монтировать чешуекрылых несравненно проще, чем млекопитающих.

Он с любопытством, но не очень дружелюбно посмотрел

на меня.

– Как получилось, что вы интересуетесь бабочками? Это обычная сфера деятельности для дамы-натуралиста, но я очень удивлен, что вы не занимаетесь чем-то зубастым.

– Хм... – Я рассматривала очередного новорожденного поросенка, восхищаясь завитком его маленького розового хвостика. – Это впечатляет. Кажется, что он вот-вот завизжит.

Этот образец, один из лучших, до такой степени был похож на живого, что мне все время казалось, будто он вот-вот пошевелится. Как и мои бабочки, он производил впечатление просто замершего на минуту посреди какого-то своего занятия и собирающегося двигаться дальше. В нем виделось спокойствие и ожидание – качества, которые должны быть свойственны любому хорошему препарату.

Я очнулась от своих мыслей.

– На чем мы остановились? А, да, бабочки. Они давали мне возможность убегать подальше от деревень, где я росла. Девочкам не положено бесцельно бродить по полям. Это признак эксцентричности. А потому я купила себе сачок и морилку, и тогда все стало выглядеть благопристойно.

Его губы тронула тень улыбки.

– Это я могу понять. Меня всегда считали странным из-за того, что мои карманы вечно были набиты банками с головастиками, да к тому же я препарировал кроликов, вместо того чтобы их есть.

Я улыбнулась при мысли о том, как он мальчишкой ходил с карманами, полными головастиков, но он неожиданно устал от разговора. С резкостью, которую я замечала у него и раньше, он холодно посмотрел на меня и поднял банку с клеем.

– Мне пора возвращаться к слону. Я и так уже потратил уйму времени.

Он снова принялся за толстокожее создание, оставив меня в компании Гексли. Я не возражала.

– С затворниками тяжело ладить, – пробормотала я себе.

Мистер Стокер был не первым мужчиной в моей жизни, который чувствовал себя неуютно в компании женщин, и точно не последним. Может быть, он страдал от патологической нелюбви к женщинам в целом, но с уверенностью, появившейся с опытом, я считала причиной всех этих уколов и грубостей разбитое в ранней юности сердце. «Некоторые люди так и не могут оправиться от давних потерь», – подумала я.

Я разлила себе и Гексли по мискам суп, намеренно проигнорировав мистера Стокера, раз он был занят слоном. Над мисками клубился густой пар и разливался аромат, вкусный и манящий, и мы с Гексли с удовольствием принялись за еду, а мистер Стокер в конце концов отложил лопатку с клеем и подошел к котелку.

– Ну и что это такое? – спросил он.

– Еда для собаки, – спокойно ответила я.

Он раздраженно посмотрел на меня и налил себе порцию. Свободных мисок больше не осталось, и ему пришлось есть из треснутой фарфоровой чаши, которая явно была частью его рабочего инвентаря.

– Удивительно, что вы ничем не отравились, – заметила я.

Он отправил в рот сразу полную ложку похлебки.

– Я был бы рад отпустить какое-нибудь колкое замечание по поводу отравления вашей стряпней, но не получится. Это прекрасно. Не припомню, когда я последний раз ел горячую еду.

Он съел три миски, каждую следующую все медленнее и спокойнее. Наконец он выскреб последнюю ложку и вздохнул с сытым видом.

– Вы плохо о себе заботитесь, – сказала я. Это было просто наблюдение, а не обвинение, и, кажется, он так это и воспринял.

Он пожал плечами.

– Слишком много работы, слишком мало времени и слишком мало денег. Вы были правы насчет моих привычек. Я сплю, когда придется, и что-то перехватываю из еды, когда вспоминаю об этом, просто, чтобы поддерживать свои силы. Ну и джин, конечно, – добавил он с утомленным видом заядлого пьяницы.

Я ничего не ответила, подошла к своей сумке и достала фляжку.

– Вот. Я привезла это из своих путешествий. Мне кажется,

это очень укрепляет.

Он взял фляжку у меня из рук, сделал большой глоток и сразу закашлялся так, что чуть не задохнулся.

– Господи, что у вас там, черт возьми?!

– В Южной Америке есть такой напиток, называется кашаса, это что-то вроде рома, но его делают из сока сахарного тростника, а не из патоки.

– Я с ним знаком, – сказал он с сожалением в голосе, – чуть ли не год потратил на эту дрянь в Бразилии. Но это совершенно на нее непохоже.

Я намеренно оставила без ответа это упоминание о его прошлом. Если он с таким усердием старался скрыть свое настоящее имя, я была не вправе его разоблачать. По крайней мере, пока.

– Когда я охотилась на бабочек в Венесуэле, я останавливалась на постой у одного джентльмена, владельца обширных полей сахарного тростника в Бразилии. На его вкус, кашаса была чересчур банальной, и он решил дистиллировать ее дважды. В результате получился этот агуардиенте, гораздо более крепкий напиток.

Он сделал второй глоток, на этот раз гораздо более скромный, и рукавом вытер горлышко фляжки с изяществом лорда. Потом вдруг резко заморгал.

– Кажется, я ослеп. И мне это совершенно не по душе.

Я завинтила фляжку и вернула ее на место. Он приподнял глазную повязку, и, к своему изумлению, я поняла, что этот

глаз такой же целый и невредимый, как и второй, только веко пересекает тонкий белый шрам. Я заметила также, что его глаза синего цвета, не яркоголубые, как бабочка «морфо», а темно-синие, как *Limenitis arthemis astyanax*, «ленточник Артемиды», в красную крапинку, на которого я успешно охотилась в Америке. В отличие от легкомысленного «морфо», «ленточники» были очень серьезными бабочками.

– Вы видите этим глазом, – сказала я почти обвиняющим тоном.

Он кивнул и стал тереть глаза костяшками пальцев.

– Хотите – верьте, хотите – нет: не хуже, чем вторым. Но он быстро устает, и тогда мое зрение становится мутным. А потом в глазах начинает двоиться, и мне ничего не остается, как только закрывать этот глаз повязкой, чтобы он отдохнул.

– Но таким образом вы утомляете второй, – заметила я.

Он вернул повязку на место и потряс головой, будто пытаясь ее прочистить.

– Ну, тут уж ничего не поделать, ведь нужно заканчивать этого проклятого слона.

В этот момент у двери послышалось шевеление.

– Мистер С., я принес вечерние газеты, – весело сообщил Баджер, – и ваши сладости.

Он вручил газеты и кулек мятных леденцов мистеру Стокеру, который сразу с жадностью накинулся на них. Я повернулась к мальчику.

– Как хорошо, что ты пришел. У меня есть миска супа,

которая пропадет, если ты ее не съешь, а если я отдам ее псу, ему точно станет плохо. Ты не против?

Я вылила суп в чашу мистера Стокера и вытерла ложку. Баджер не стал мыть ни руки, ни лицо, а сразу принялся за еду. Он чавкал так же радостно, как Гексли, и прикончил свою порцию за несколько минут. Мистер Стокер в это время просматривал газеты. Вдруг он выпрямился, и каждый мускул его тела напрягся так сильно, что я поняла: случилось что-то очень плохое.

– Что такое? – спросила я.

Он не ответил, но так сильно вцепился в газету, что костяшки побелели. Я встала за его спиной и стала читать через его плечо.

– Нет-нет! – воскликнула я с ужасом. – Этого не может быть!

Заголовок был сенсационным, но мое внимание привлекли детали истории. Немецкий джентльмен, опознанный как барон фон Штауффенбах, был найден мертвым в своем кабинете. Вся комната была перерыта; полиция сочла эту смерть подозрительной. Никаких зацепок для опознания личности преступника обнаружено не было. Заканчивалась заметка тем, что дознание будет производиться через два дня.

– Этого не может быть, – повторила я.

– Но это так, – решительно возразил мистер Стокер. – Должно быть, его убили вскоре после того, как он вернулся

домой.

– Убит? – Баджер поднял голову от миски с супом. – А кого убили?

Я посмотрела на мистера Стокера, но казалось, что он не в состоянии ответить, ужас застыл на его лице. Я заметила, что газета дрожит в его руках. Он явно был во власти сильных эмоций и не реагировал на происходящее вокруг.

– Друга, – ответила я мальчику. – Наверное, тебе лучше уйти, Баджер.

Он вылизал последние капли супа и послушно поднялся. В этот момент мистер Стокер будто очнулся: он отложил газету и встал.

– Не торопись, приятель. Мне нужно отправить телеграммы.

Хоть он и стряхнул с себя оцепенение, но двигался так, будто был не в себе, резко и с отчаянием. Он вырвал клочок бумаги из научного журнала и что-то написал на полях.

– Отправишь эту телеграмму в двенадцати экземплярах, по одному в каждое из этих двенадцати отделений. Отправь их и дождись ответов, слышишь? Почти все ответы будут отрицательными, их можешь выбросить. Но один ответ будет положительный, эту телеграмму принесешь мне.

Он нацарапал еще одно послание и тоже отдал мальчику.

– А эту телеграмму отправишь в Корнуолл, ее посыльный должен отдать лично в руки получателю и больше никому, – распорядился он. Затем стал шарить по банкам и коробкам,

наскреб пригоршню монет и отдал их Баджеру. – Получишь больше, когда вернешься.

Мальчик убрал монеты в карман и побежал к двери, отсалютовав на ходу.

– Можете положиться на меня, мистер С.

Затем повисло гнетущее молчание, нарушаемое только потрескиванием дров в камине и похрапыванием Гексли. Я чувствовала себя беспомощной перед яростью мистера Стокера, а он явно был очень зол: губы сжаты, краска залила лицо, кулаки сжимались и разжимались, пока он взад-вперед ходил по комнате. Конечно, он имел право злиться, и ужасу и скорби тоже было место в такой трагедии. Но, глядя на него, я поняла, что еще одно чувство заставляло его метаться по мастерской, как лев в клетке, – страх.

Тем временем он перестал мерить шагами комнату и взялся за другое дело: вытащил старый гладстоновский саквояж⁶ и начал упаковывать вещи. Он рылся в сундуках и на полках, вытаскивал разнообразные вещи и бросал их в сумку, в том числе сборник романтической поэзии и пачку огромных алых носовых платков. После минутного колебания он вернулся к одному из ящиков. Сморщившись от отвращения, он сунул туда руку; я не видела, что именно он достал, но он положил этот предмет в карман брюк и с силой задвинул

⁶ Гладстоновский саквояж – кожаный неглубокий саквояж с округлыми боками, названный по имени премьер-министра Великобритании Уильяма Гладстона.

ящик. Я подошла к нему и протянула руку.

– Мистер Стокер, вы были так любезны, приютив меня, но сейчас я явно мешаю вам, в момент глубокой личной скорби. Теперь мне пора вас покинуть. Спасибо вам.

Он повернулся ко мне, и его гнев обжег меня, будто плеткой.

– Покинуть? Ну нет, дорогуша. Теперь мы с вами связаны, по крайней мере, до тех пор, пока все это не закончится.

Ужаснувшись, но сочувствуя его сильным переживаниям, я постаралась запастись терпением.

– Мистер Стокер, я все понимаю, это вполне естественно, что вас так расстроила смерть близкого друга, и я выражаю вам свои глубочайшие соболезнования. Но мне явно уже пора, и здесь у меня дел не осталось. Мне нужно отправляться.

– Вы что, действительно не понимаете? – В его голосе слышалось искреннее недоверие. – Сейчас *вы* и есть мое дело.

– Я?! Но это же невозможно!

Он запихнул в рассыпающийся на глазах саквояж пыльный черный костюм и туго затянул ремни.

– Подумайте хорошенько, мисс Спидвелл.

– Еще раз, мистер Стокер, я соболезную вашей потере, но я вынуждена настаивать...

Он схватил меня за запястье. Он требовал, а не уговаривал, и силу его эмоций я ощутила по тому, как он сжимал мою руку.

– Мой лучший друг и учитель мертв, и, насколько я могу судить, *вы* тому причиной. До тех пор, пока я не выясню подробностей, вы ни на дюйм от меня не отойдете.

– Будьте благоразумны, мистер Стокер! Как такое может быть, чтобы я стала причиной смерти бедного джентльмена? Я была здесь, с вами, с той самой минуты, как он меня здесь оставил, и до того момента, как его убили. Вы сами это понимаете.

– Единственное, что я понимаю, – это то, что он привез вас сюда, убежденный, что вам угрожает смертельная опасность, и это было последним, что он успел сделать в жизни.

– Я с вами не поеду, – сказала я, высвободив запястье и скрестив руки на груди.

– Думаю, поедете. Макс просил меня охранять вас (если потребуется, то ценой собственной жизни), и я не собираюсь его подводить. Кто бы ни убил его, но он опережает нас по меньшей мере на двенадцать часов.

Мы должны отправляться сразу же, как Баджер вернется с ответами на телеграммы. Я планирую уехать с вами из Лондона и добраться до моих друзей, которые обеспечат нам своеобразное укрытие до тех пор, пока не завершится расследование и мы не получим ответы. Пока что я не знаю, жертва вы или преступница, но поверьте мне на слово: я это непременно выясню.

– В таком случае почему бы просто не пойти к властям?.. – предложила я.

– Нет! У нас нет такой возможности! – взорвался он, и его черты снова исказились от ярости.

Я ответила терпеливо, как няньки разговаривают с маленькими мальчиками или умалишенными:

– Я понимаю, что вы расстроены, мистер Стокер...

– Не думаю, что понимаете, – резко оборвал он. – Но вы поймете. А теперь садитесь и ждите возвращения Баджера.

Он толкнул меня на диван, и мне пришлось сесть.

– Мистер Стокер, – начала я, снова вставая.

Он навис надо мной, заставив снова сесть, и крепко прижал к дивану мои плечи.

– Если вы думаете, что я не свяжу вас по рукам и ногам, как свинью на вертеле, то прошу вас, *прошу*, поверьте!

Я замолчала и подчинилась; сумка стояла на полу у меня в ногах, на ней – сачок. Он снова стал мерить шагами комнату, а я сидела, скрестив руки на груди, и считала его шаги. Очевидно, сейчас с ним невозможно спорить, настолько он захвачен своими чувствами, и я решила подождать более благоприятного момента. «Ты сама мечтала о новом приключении», – напомнила я себе. И, может быть, это как раз начало одного из них, подумала я, потому что не верила, что мистер Стокер действительно может быть для меня физически опасен, каким бы буйным ни был его нрав. Я доверяла своим инстинктам, прекрасным от природы и проверенным годами путешествий среди подозрительного люда. Не все бывают довольны, когда кто-то рыщет по их владениям в по-

гоне за бабочками, а мои вылазки часто приводили меня к крайне неучтивым личностям. Я вспомнила одного главаря банды на Корсике. Мне удалось тогда уклониться от его намерений убить меня или на мне жениться, и мы расстались в прекрасных отношениях. К тому же он благородно обучил меня нескольким приемам самозащиты. Я была совершенно убеждена, что смогу добиться подобного успеха и с мистером Стокером. Очевидно, у него было очень мало опыта в обращении с женщинами. Он даже не подумал отобрать у меня шляпную булавку.

Так что пока я решила с ним сотрудничать; мистер Стокер принялся копаться в разных коробочках и банках, собирая там все оставшиеся монеты, которые и составляли его скромное состояние. Затем он потряс какие-то книги, и из страниц выпало несколько банкнот минимального достоинства. Он убрал деньги в карман, потом потушил лампы и огонь в очаге, оставив только одну тонкую свечу, чтобы рассеивать мрак, достал нож и убрал его в кожаный чехол на шнуре, который надел на шею и спрятал под рубашку. Тут я могла бы начать возражать, но снова ощутила интуитивную уверенность в том, что как бы зол и разъярен он ни был, даже будучи вооруженным, он не направит свою ярость против меня.

Я начала считать его шаги и досчитала до шестисот восьмидесяти двух, когда вернулся Баджер, размахивая двумя телеграммами.

– Получил, мистер С.!

Баджер вручил бумаги мистеру Стокеру, и тот быстро прочитал их.

– Хорошая работа, – сказал он и ссыпал мальчику еще одну горсть монет. – Ты хороший парень, я знаю, что всегда могу на тебя рассчитывать.

– Да, сэр, мистер С.! И я позабочусь о Гексли, не бойтесь.

Мальчик выманил бульдога из-под дивана и привязал кусок веревки к его ошейнику вместо поводка. Мистер Стокер взял неуклюжую шляпу с низкой тульей, надвинул ее себе чуть ли не на глаза и поднял свою сумку. Затем повернулся и нетерпеливо махнул мне рукой:

– Ну идемте же.

Я остановилась на минутку, чтобы почесать бульдога за ухом перед уходом. Мистер Стокер должен был наконец понять, что я не пленница и иду по собственной воле.

Глава седьмая

Мистер Стокер предпочел не делиться со мной подробностями того, куда мы направляемся, и я поняла, что лучше не спрашивать. Хотя я и говорила о его потере, но понимала, что он еще по-настоящему не горюет о бароне. Это придет позже, после осознания неизбежности смерти, которое наступит в результате долгих минут тихого созерцания. Тогда и только тогда это станет для него реальным. А пока мистеру Стокеру нужно было действовать, его гнали страх и ярость, он без остановки двигался вперед и безжалостно тянул меня за собой. Я хотела показать ему, что следую за ним спокойно и добровольно, поэтому демонстративно взяла сумку и сачок и вышла вслед за ним на улицу, где уже наступала ночь. Он шел быстро, немного вразвалочку, как человек, который провел много времени в седле или в море. Он крепко держал меня под локоть, но беспокоиться ему не стоило: я и не думала о побеге. Загадка безвременной смерти барона крайне волновала меня, и про нее нельзя было просто так забыть. И если, как предполагал мистер Стокер, я действительно могла хоть что-то сделать, чтобы пролить свет на это событие, моим долгом было именно так и поступить, осознала я. Мне также пришло в голову, что, потеряв барона, я лишилась единственной нити, связывавшей меня с матерью. Найдя ответы на вопросы, касающиеся его смерти, я

могла также найти ответы относительно своего рождения, но верхом неприличия было бы признаться мистеру Стокеру в столь эгоистичном мотиве в минуту его глубокой скорби.

Я послушно спешила за ним, сворачивая с одной улицы на другую, подчиняясь движениям его руки, пока наконец мы не достигли мерцающей громадины Паддингтонского вокзала. Глядя на широкие арки и впечатляющие металлические конструкции, радость и гордость мистера Брюнеля⁷, я убедилась, что архитекторы, несмотря на репутацию скучных людей, на самом деле обладают живейшим воображением.

Но мистер Стокер не смотрел на это чудо современной инженерной мысли. Вместо этого он нырнул в темный угол и погрузился в изучение расписания, то и дело поглядывая на часы и что-то подсчитывая.

– Мы явно шли кружным путем, – заметила я, почти не сомневаясь, что он ничего мне не ответит.

– Это было необходимо. Требовалось убедиться, что никто за нами не следит.

Я хотела попросить его объяснить мне это подробнее, но он кивнул в сторону касс.

– У нас есть четверть часа до отправления поезда. Идем.

Я не двинулась с места, и он повернулся, нахмурившись. Я опередила его.

– Вы можете купить билеты, а я тем временем загляну в

⁷ Изамбард Кингдом Брюнель (1806–1859) – британский архитектор, построивший основное здание Паддингтонского вокзала.

дамскую комнату.

Он открыл рот, без сомнения, чтобы выругаться, но я подняла руку в предупреждающем жесте.

– Я не намерена сбегать от вас, хотя сейчас вы убедились, как абсурдна мысль похищать даму в общественном месте.

Я кивнула в сторону дородной фигуры бобби, патрулировавшего станцию. К моему изумлению, мистер Стокер углубился в изучение расписания и надвинул шляпу поглубже на глаза, чтобы скрыть лицо.

Очевидно, он не хотел привлекать к себе внимание констебля, и я решила воспользоваться этим преимуществом.

– Вот мое самое ценное имущество – сачок, – сказала я. – Это основная вещь в моей профессии и нежно любимый мною инструмент. Я отдаю его вам как залог того, что мы встретимся с вами на платформе до отправления поезда.

Он издал какой-то приглушенный звук, но я уже вручила ему сачок и быстро ушла, предоставив ему позаботиться о билетах. Уборная находилась на некотором расстоянии, после прилавка с книгами и лавки со сладостями. Когда я проходила мимо буфета, на меня повеяло манящим запахом ростбифа, и у меня в животе немного заурчало от голода. Я быстро выполнила свою задачу и вышла с вымытыми руками и приведенной в порядок юбкой. Я на ходу расправляла манжеты и вдруг поняла, что какой-то господин рядом идет со мной в ногу. Мне были знакомы подобные трюки, и я по опыту знала, что обычно ледяного высокомерного взгляда

достаточно для того, чтобы остудить пыл.

Но, повернувшись, чтобы одарить его самым испепеляющим взглядом, я застыла в нерешительности. Этот господин мне незнаком – в этом я была совершенно уверена. Но он смотрел на меня так, как Моисей, вероятно, взирал на Землю обетованную. Я колебалась не более секунды, но он сумел воспользоваться этим моментом: взял меня под локоть и завернул за табачную лавку.

– Сэр! – возмутилась я, и он сразу отпустил мою руку.

– Вы должны извинить мою бесцеремонность, мисс Спидвелл, – сказал он и быстро огляделся. Толпа пассажиров текла мимо нас, и никто не обращал на нас внимания; он посмотрел мне в глаза, и в его взгляде, блуждавшем по моему лицу, я заметила некую алчность.

– Тысяча извинений. Я совсем не хотел пугать вас, – продолжил он низким, проникновенным, хорошо поставленным голосом. Вероятно, ему было немного за сорок, он был хорошо одет, и от него доносился легкий пряный аромат. Его черные волосы еще не тронула седина, но у меня закралось сомнение, не прибегает ли он к помощи черной краски, чтобы выглядеть моложе.

Но нет. В уголках глаз пролегло несколько морщинок, и его подбородок, пожалуй, был немного мягче, чем во времена ранней молодости, но его губы складывались в такую очаровательную улыбку, что я поняла: этот мужчина сохранит свою привлекательность до глубокой старости.

– Мы в неравном положении, сэр, – холодно ответила я.

– И вновь я могу лишь просить вас меня простить, – сказал он, но я заметила, что он не исправил этого упущения.

Он вновь внимательно окинул меня взглядом с головы до пят.

– С вами все в порядке? У меня дыхание перехватывает, как только подумаю о том, что вы могли быть замешаны в эту ужасную историю с убийством.

– Что вам об этом известно? – спросила я.

Он покачал лощеной головой.

– Я знаю лишь, что этот доблестный старик не заслуживал такой ужасной смерти. Но вы здесь и невредимы, и сейчас важно только это. Как умно вы отделались от этого грубияна, – добавил он, без сомнения, имея в виду мистера Стокера.

– Смерть барона не имеет ко мне никакого отношения, – резко ответила я. Несмотря на мнение мистера Стокера, утверждавшего обратное, я не могла допустить, что хоть как-то связана с этим омерзительным действием, и возмутилась, оттого что и этот джентльмен предположил нечто подобное.

– Сэр, вы говорите загадками, – сообщила я ему.

Он развел руками и снова очаровательно мне улыбнулся.

– Ну конечно! Ведь я чуть с ума не сошел от радости, после того как столько часов волновался за вас. Но теперь вы в безопасности. Я пришел, чтобы о вас позаботиться. Барон собирался вручить вас под мою защиту. Вот для чего он при-

вез вас в Лондон, – просто сказал он.

Я всмотрелась в его лицо: красивые, ровные черты, добродушное выражение – и быстро произвела подсчеты. Возможно, хоть и маловероятно, что этот мужчина – мой отец, в случае если он очень неблагоразумно вел себя в молодости. Мне померещилось что-то очень знакомое в его телосложении, и я задумалась: вдруг это действительно так? Тогда его скрытность становилась вполне объяснимой. Конечно, ни один джентльмен не стал бы говорить о подобных вещах в суматохе лондонского вокзала.

Но что-то в его улыбке мне не понравилось. Хоть он и расточал ее умело, с привычным очарованием, его глаз она не касалась. И хотя он выражал радость и облегчение, оттого что нашел меня, но не переставал озираться по сторонам, а его рука тянулась к воротничку. Эта рука у воротничка была минутным жестом, но для меня этого оказалось достаточно. Он произносил свои реплики гладко, они были хорошо отрепетированы, но его выдавало это подсознательное движение.

– Если вам известно мое имя, – сказала я спокойно, – то вы должны знать, что я натуралист.

– У нас будет еще очень много времени для того, чтобы лучше узнать друг друга, – пообещал он. – Но сейчас нам нужно идти.

Он взял меня под локоть, но я не обратила внимания на это приглашение.

– Как жаль, что вы не занимаетесь естественной истори-

ей, – сказала я. – Если бы вы читали работы Дюшена или Дарвина по физиогномике, то были бы лучшим лжецом.

Его зрачки расширились, рот приоткрылся, а щеки сразу залила краска гнева.

– Ну вот! – победно воскликнула я. – Теперь все в порядке! Ваше выражение лица полностью соответствует вашим чувствам, в отличие от предыдущего, когда вы лгали. Тогда вас выдали глаза. Кажется, следует прояснить: мне не нравится ситуация, когда меня хочет похитить мужчина, скормливая мне одну ложь за другой, – добавила я.

Мой собеседник мгновенно признал свою вину.

– Кажется, я снова должен извиниться перед вами, мисс Спидвелл, – просто сказал он. – Я излишне торопился, напугал вас и никогда себе этого не прощу.

Он вытащил из кармана пальто визитницу. Это была кричащая вещица, золотая и с такими огромными драгоценными камнями по углам, что я сразу предположила, что они не настоящие. Он достал карточку и протянул ее мне. В отличие от карточки барона, эта была из тонкого картона, и качество бумаги выдавало попытку сэкономить.

– Эдмунд де Клэр, – вслух прочитала я. Под его именем карандашом был написан его лондонский адрес: отель «Императрица Индии» – респектабельное, но не модное место. Он приподнял шляпу и театрально поклонился.

– К вашим услугам, мисс Спидвелл.

– С какой целью, мистер де Клэр? – спросила я.

– С целью помогать вам в эти труднейшие для вас дни. Я понимаю ваше смущение, – с нажимом сказал он. – Молодая леди, одна в целом мире, ни друзей, ни семьи, неоткуда ждать помощи. Но я здесь, я готов и хочу предложить вам свои услуги и занять место защитника, которое столь безвременно покинул барон.

Нужно отдать ему должное, речь была хороша. И женщина, не получившая уроков самозащиты от корсиканского бандита, вероятно, поддалась бы на его уговоры. Но я была крепким орешком.

– Как это мило с вашей стороны, мистер де Клэр, – сказала я, одарив его улыбкой, которая ни за что не обманула бы господ Дюшена и Дарвина. – Но мне нужно сделать одно дело до того, как я полностью отдам себя на ваше попечение.

Он изо всех сил постарался подавить раздражение, но его выдало легкое подергивание в уголках губ.

– Милое дитя, нам нельзя тратить время! – сказал он и придвинулся ко мне так, что мои ноздри заполнил исходящий от него пряный запах. – Кругом опасность.

– Опасность?

– Со всех сторон, – решительно сказал он. – Не хочу вас пугать, мисс Спидвелл, но человек, с которым вы сейчас оказались, – совершенно неподобающее лицо для того, чтобы заботиться о даме. Вообще-то, мне следует предупредить вас, что именно от него и исходит самая страшная опасность.

– В самом деле?! Что же он совершил? – спросила я, ши-

роко раскрыв глаза. Мне показалось, что я физически ощущаю его раздражение.

– Вещи, о которых я не могу позволить себе говорить в вашем присутствии, – заявил он. – Но с ним вы не в безопасности, что бы вы ни думали. Ну так что, пойдете вы со мной?

Я потерла лоб, размышляя.

– Хорошо, – сказала я наконец.

Маска заботливости на секунду слетела с него, и я ясно увидела выражение триумфа в его глазах.

– Счастлив это слышать, – ответил он, и теперь я не сомневалась, что он говорит искренне. Какие бы ни были у него на меня планы, он явно отчаянно желал разделить нас с мистером Стокером.

И тут мой взгляд упал на плакат в буфете, изображающий сэндвичи с окороком, и мне на ум сразу пришла сценка, которую мистер Стокер разыграл с мальчиком-посыльным, желая отдать ему остатки окорока. Хитроумный план сам возник в голове, и я не преминула им воспользоваться.

– Сэр, прошу вас, мне нужна еще минутка. Оказывается, мне снова необходимо посетить дамскую комнату, – обратилась я к мистеру де Клэру, скромно опустив ресницы. – Небольшое расстройство желудка, – пробормотала я.

– Конечно-конечно, – ответил он, на этот раз гораздо мягче. Было ясно, что теперь, когда я сдалась, ничто не могло его сильно беспокоить.

– Не будете ли вы столь любезны раздобыть для меня в

буфете немного имбирного пива, а я пока подожду здесь? Мои тети всегда говорили, что нет лучшего лекарства при проблемах с пищеварением.

Ликование, которое он изо всех сил пытался скрыть, слегка померкло. Он совсем не хотел выпускать меня из виду, но я не оставила ему выбора. Моя история о несварении желудка была до боли банальной, но леди не могла признаться в подобных вещах джентльмену без острой необходимости. Все правила поведения и этикета диктовали ему единственный ответ, и он меня не разочаровал.

– Конечно, – повторил он. – Я сейчас же пойду в буфет и буду дожидаться вас у дамской комнаты. Не уходите оттуда без меня.

Я заверила его, что так и поступлю, но в ту же секунду, как он повернулся ко мне спиной и направился в сторону буфета, я бросилась бежать и смешалась с толпой пассажиров. Я перепрыгивала через ступеньки, не обращая внимания на изумленные взгляды и возмущенные возгласы тех, кого я толкнула, пробираясь к платформе. Я увидела мистера Стокера: он метался из стороны в сторону, как разъяренный тигр, высматривая меня. На рельсах позади него поезд выпустил огромные клубы черного дыма и тронулся.

– Черт побери, вы почти вовремя! – взорвался он при виде меня. – Проклятье, где вы пропадали?!

Я холодно ему улыбнулась.

– Небольшие проблемы со шляпкой, но сейчас все в пол-

ном порядке, — заверила я его и незаметно убрала в карман карточку мистера де Клэра.

Мистер Стокер схватил меня за руку и подтолкнул вперед, посадив в вагон движущегося поезда. Он вскочил туда вслед за мной, и, обернувшись и посмотрев поверх его плеча, я увидела, как на платформу выскочил мистер де Клэр, с лицом, пылающим от гнева и осознания сорванных планов. Я улыбнулась ему, но сдержалась и не стала махать. Это было бы уже неприлично.

Мы нашли пустое купе, мистер Стокер крепко запер дверь, а я сразу удобно там расположилась. Теперь, когда у меня было время обдумать свое поведение, мне показалось очень интересным то, что инстинктивно я выбрала компанию мистера Стокера, вместо того чтобы воспользоваться случаем ускользнуть от него. Делом одной минуты было бы обратиться за помощью к проходящему мимо полисмену или принять предложение поддержки от мистера де Клэра.

Но к чему бы это привело? Моему подсознанию сразу было ясно то, что я только сейчас сумела осмыслить логически: если бы я прибегла к помощи властей, нашему приключению пришел бы конец. Стремительное бегство из Лондона закончилось бы, даже не начавшись. Очевидно, мистер Стокер боялся узнавания по причинам, о которых я пока ничего не знала. Его настойчивое желание действовать в одиночку, без сомнения, было продиктовано веской причиной, которую я страстно желала узнать. Я также помнила о безусловном до-

верии к нему барона, которое возникло благодаря долгому знакомству с этим человеком. Конечно, я была в состоянии сама о себе позаботиться, но мне показалось, что мудрее будет следовать курсу, избранному для меня бароном. Вероятно, он знал мистера де Клэра и все же предпочел оставить меня у мистера Стокера.

Но почему же тогда мне не хочется делиться с мистером Стокером историей о встрече с де Клэром на вокзале? Наверное, мне следовало рассказать обо всем начистоту, но меня раздражало то, что мистер Стокер настаивал на строжайшей секретности. Он даже не рассказал мне, куда мы направляемся, и, пока он упорно хранил многое в тайне, я сочла себя вправе тоже иметь свои секреты. К тому же, подумала я, если мистер Стокер окажется неудовлетворительным спутником для приключений, у меня теперь есть возможность от него избавиться. Я могла позволить себе доверять ему до тех пор, пока он не подаст мне повода этого не делать, — эта мысль меня очень успокаивала.

Глава восьмая

– Эх, знала бы я, что нам предстоит долгая поездка на поезде, взяла бы с собой больше еды, – размышляла я вслух, копаясь в сумке. – И вам не стоило тратить на первый класс, я прекрасно чувствовала бы себя и в третьем. Кстати, в некоторых отдаленных регионах Восточной Европы нет этого разделения вагонов на классы.

Мистер Стокер вглядывался в городские огни за окном с решительной напряженностью, но заметно расслабился, как только столица осталась позади.

– В третьем классе не бывает уединения, – напомнил он мне.

– А нам нужно уединение?

Он не ответил, и между нами повисла тишина, тяжелая и неприятная, и я подумала, что сойду с ума, если она будет тянуться в течение всей поездки. Он до сих пор так и не сказал мне, куда мы направляемся, и эта неопределенность нервировала. Мое раздражение требовало какого-то выхода, а по опыту я знала, что мужчин можно разговорить, если нажать на верный рычаг. С мистером Стокером, по моему предположению, гнев должен был сыграть нужную роль, и я решила немного разжечь его темперамент, надеясь, что это поможет мне выяснить его слабые места и выгодно их использовать.

– Должна признать, мистер Стокер, это уже что-то. Мне

казалось, что вы совершенно безынициативны, но теперь я с радостью убедилась, что была неправа. Думаю, у вас есть все шансы добиться большого успеха в жизни, если продолжите в том же духе. Конечно, может показаться, что вам стоило бы направить свою энергию на что-то более полезное и безопасное, чем преступное похищение, но для начала и это неплохо.

Я мило ему улыбнулась, а он хмуро посмотрел на меня со своего сиденья напротив. Я была совершенно удовлетворена тем, как быстро он разозлился, и сразу запомнила это на будущее.

– Я все никак не могу понять, вы самая храбрая женщина, которую я только встречал в жизни, или самая глупая, – сказал он язвительно. – Вы должны быть напуганы до смерти, дрожать от страха и рыдать на полу, а вместо этого вы меня оскорбляете.

– Ну что вы! Это был искренний комплимент, – заверила я его. – Ваше поведение продемонстрировало мне храбрый дух и изобретательный ум – два качества, которые объединяют всех исследователей. А что касается вашего замечания, почему я должна быть напугана? Мне придает уверенности чистая совесть, мистер Стокер. Знаю, что не имею никакого отношения к несчастью, постигшему барона, и думаю, что и вы это понимаете. Скорее всего, это временное помутнение рассудка, минутный каприз. Благоразумие должно к вам со временем вернуться, и тогда все станет по-другому. А пока,

думаю, лучшей стратегией для меня будет спокойное согласие; так ведут себя с лунатиками или сумасшедшими.

— Думаете, я сошел с ума?

— Вы только что меня похитили, — заметила я резонно. — Знаю, само по себе это нельзя считать сумасшествием, но вы не можете отрицать, что это выглядит немного странно.

Я не потрудилась объяснять, что это не вполне можно назвать настоящим похищением, ведь очевидно, что я нахожусь здесь по собственной воле. Я могла бы сбежать от него уже раз десять, но мне показалось невежливым ему на это указывать как раз тогда, когда он решил, что так мастерски меня здесь удерживает.

Я ожидала какой-нибудь лекции, но он сказал все, что намеревался, и вновь воцарилось напряженное молчание. На этот раз я не старалась его нарушить. Шли часы, и багровый закат сменился ночной тьмой. Появились звезды, сперва бледные, а потом ярко мерцающие, и над деревьями поднялся восковой серп луны; а мы все ехали дальше на запад. Наконец мистера Стокера сморил сон, а я стала размышлять о мистере де Клэре. Очевидно, ему было что мне рассказать, но, к несчастью для него, я получила на этот счет очень точные указания от своего корсиканского друга. Закоренелый преступник, он рассказал мне, как важно всегда доверять своей интуиции, вне зависимости от того, что подсказывает разум. Я так и поступила на Паддингтонском вокзале, принимая решение, следовать ли мне за мистером де Клэром,

и только сейчас, под монотонный стук колес, я сумела это обдумать: почему, повинаясь инстинкту, я предпочла компанию мистера Стокера обществу мистера де Клэра. В тот момент я не успела этого осознать, но сейчас, глядя на мирно похрапывающего мистера Стокера, поняла, что даже если барон действительно отправил мистера де Клэра забрать меня у мистера Стокера, как сверток или посылку, тот принял все меры предосторожности, прежде чем подойти ко мне. Он не пытался заговорить со мной, пока мы с мистером Стокером были вместе, а улучил момент, когда мы разделились, и только тогда появился. Если бы он действительно был посланником барона, для него не представляло бы затруднения присутствие мистера Стокера и он должен был встретиться с нами обоими.

Разве что... я посмотрела на своего спящего спутника: творец создал его в суровом настроении, не одарив никакой мягкостью. Орлиный нос (с таким носом Александр свысока взирал на завоеванный мир) и острые линии скул и бровей добавляли внешности величия. Решительный подбородок был скрыт бородой, а верхняя губа, по крайней мере, видимая ее часть, казалась тонкой и строгой. И только мягкий изгиб нижней губы выдавал в нем чувствительную натуру. Эта нижняя губа рассказывала истории, о которых лгали все остальные черты лица, и я задумалась, чему же верить. Все эти признаки, собранные вместе, могли означать, что их владелец – либо герой, либо негодяй, или мученик, или ти-

ран, и если мистер де Клэр считал, что он мой похититель, для него казалось вполне разумным дожждаться, пока мистер Стокер отойдет от меня. Может быть, он считал, что спасает меня от какой-то ужасной опасности, грозящей мне в лице мистера Стокера? От этой мысли мне стало не по себе. Но я вновь вспомнила уроки, полученные на Корсике, и упрямо покачала головой. Я не хотела, не могла поверить, что мистер Стокер был моей погибелью.

И лишь гораздо позже я поняла, какую хорошую службу сослужил мне мой корсиканский друг.

* * *

Мы сделали пересадку в Тонтоне, а затем в Эксетере и наконец высадились на станции Тавискомб Магна. Мы были единственными пассажирами, сошедшими там, и я не удивилась, что на платформе нас никто не ждал. Мистер Стокер нетерпеливо махнул рукой.

– Ночью здесь холодно. У вас есть плащ? Надевайте.

Я достала из сумки длинный полосатый плащ, надела его и застегнула на все пуговицы. А он вместо плаща накинул на плечи старый несвежий сюртук, и мы двинулись по дороге, освещенной луной. Я улыбнулась.

– Что, черт возьми, смешного? – спросил он.

– Вы. Надеюсь, мы не наткнемся на каких-нибудь суеверных крестьян. Они примут вас за призрак косматого разбой-

ника с большой дороги.

Он пробормотал какое-то ругательство и двинулся вниз по узкой тропинке, ведущей от деревни в поля. Единственным освещением нам была луна, и идти иногда бывало трудно: дорога оказалась неровной и ухабистой. Какое-то время мы шли, не обмениваясь ни словом, но, когда луна поднялась и светила прямо у нас над головами, я споткнулась, и он успел протянуть руку и поддержать меня.

– Спасибо.

Немного поколебавшись, он сказал:

– Думаю, мы можем ненадолго остановиться, если вам нужен отдых.

– Вовсе нет, – решительно ответила я. – Ходьба – прекрасное упражнение для того, чтобы оставаться в тепле. Как только остановимся, мы замерзнем. Но вы можете сказать мне, куда мы направляемся, просто для того, чтобы скоротать время.

– Мы идем к моим друзьям. Их лагерь здесь неподалеку.

– Лагерь? Они что, цыгане?

– Нет. Они члены бродячего представления.

Я снова оступилась, и он опять выругался:

– Смотрите себе под ноги, женщина!

– Вы меня удивили, – сказала я в свое оправдание. – Бродячее представление – я заинтригована. Что за бродячее представление?

– Скоро увидите.

Он опять замолчал с угрюмым видом, но я молчать не собиралась.

– Мистер Стокер, я понимаю, вы очень злитесь на меня, и думаю, если бы ситуация была обратной, я бы относилась к вам с таким же беспричинным подозрением. Но хотелось бы обратить ваше внимание на то, что для жертвы похищения я прекрасно с вами сотрудничала, и самое меньшее, что вы можете сделать для меня в ответ, – поддержать вежливую беседу.

Тогда он остановился и посмотрел мне прямо в глаза. Его лицо в лунном свете пересекали резкие тени.

– Жертва? Насколько мне известно, именно вы заказали убийство барона!

Я сочувственно взглянула на него.

– Знаю, вы считаете это возможным, но вы же ученый. Вас же учили не строить гипотез до того, пока не проанализируете все данные, не правда ли? А значит, вы в равной степени можете верить тому, что я невиновна. Барон сам вверил меня вашему попечительству. Разве вы сами не говорили мне, что он поручил вам защищать меня «даже ценой собственной жизни»?

Он долго ничего не отвечал, по лицу было видно, что в нем борются разные чувства.

– Да, это так, – пробурчал он наконец. – И да, я готов допустить: очень вероятно, что вы в этой истории не злодей, а невинный участник. Но вы – единственная, кто может по-

мочь мне выяснить, что произошло с Максом.

В его голосе мне слышались нотки, которые в устах другого человека можно было бы назвать мольбой.

– Я это понимаю и, верите вы мне или нет, глубоко сожалею, что с ним случилось такое несчастье. Я общалась с ним только в пути до Лондона, но уверена, что он был добрым человеком и действительно хотел мне помочь. Хотя думаю, что, если бы он увидел вас сейчас, то мог бы усомниться в правильности своего решения вверить меня вашей заботе.

Он открыл было рот, но потом резко закрыл его, не в состоянии вымолвить ни слова. Моя стрела попала точно в цель.

– Я приму к сведению ваше утверждение, что вы – лишь невольная участница этого дела, – произнес он ледяным от гнева тоном, – но вы должны понять, что я буду испытывать подозрения на ваш счет до тех пор, пока не уверюсь в обратном.

– Если вы готовы в этом убеждаться, мне этого вполне достаточно. И вы должны позволить мне помочь вам в поиске того, кто совершил это ужасное преступление.

– Даже не думайте, – категорично заявил он.

Я постаралась заpastись терпением.

– Мистер Стокер, понимаю, вы боитесь, что я каким-то образом поверну ситуацию под выгодным для себя углом, но, честное слово, у меня есть не менее серьезный мотив для того, чтобы раскрыть тайну убийства барона, чем у вас. В

конце концов, сэр, вас не считают соучастником этого преступления.

К моему изумлению, он немного расслабился и не то чтобы улыбнулся, но почти.

– Вы практически выдали себя сейчас. Вы чертовски хорошо стараетесь это скрыть, но сдается мне, вашего слова мне недостаточно.

– Я не привыкла к тому, чтобы во мне сомневались, мистер Стокер. Многие люди считали меня странной и неженственной, но мое слово всегда было ничуть не хуже мужского. Мне кажется унижительным, что единственное средство защиты, которым я располагаю, – это попытка урезонить вас.

– Вы предпочли бы дуэль на пистолетах?

– Если это вас убедит, – решительно ответила я. – Но, если честно, я предпочла бы шпаги.

Может быть, преследование взломщика в моем коттедже и не принесло результатов, но оно точно вновь пробудило во мне любовь к холодному оружию.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Кажется, вы говорите серьезно. Вы были бы счастливы выпустить в меня пулю прямо здесь и сейчас.

– Или самой принять пулю, если это очистит мое имя.

Он покачал головой.

– От лунного света у вас помутилось в голове, мисс Спидвелл. Я не собираюсь давать вам оружие и тем более выходить с вами на дуэль.

Я решила не сообщать ему о том, как смертельно опасна может быть шляпная булавка в ловких руках. Мы продолжили путь, но я ощутила, что в его отношении ко мне стало чуть меньше холодности, чем прежде.

– А что вы скажете друзьям? – вдруг спросила я. – Они захотят узнать, почему мы к ним пришли.

– Вы будете моей молодой женой, чья семья не одобряет нашего союза. Я скажу, что мы боимся вашего коварного опекуна, который пытался лишить вас состояния, и что нам необходимо укрытие до тех пор, пока не вернем себе все ваши деньги.

– Это сюжет из бульварных романов. Никто этому не поверит. К тому же мы с вами вряд ли сможем притворяться счастливой парой, соединенной священными узами брака. Совершенно очевидно, что мы друг другу не подходим.

Он ничего не ответил. Вместо этого резко повернулся на каблуках и встал прямо передо мной. Как будто я на полном ходу столкнулась со скалой, подумала я, наткнувшись на него в темноте, – я выронила сумку и сачок и выставила вперед обе руки, чтобы не упасть.

Сунув руку в карман брюк, он достал какую-то вещь, и я вспомнила, что еще в поезде он вынул это из саквояжа. Я даже не успела понять, что он делает, а он взял мою левую руку и снял с нее перчатку. Затем надел мне на палец что-то холодное.

– Что это?

– Обручальное кольцо, – ответил он.

Я уставилась на тонкую золотую полоску у себя на пальце. Кольцо было немного погнуто и поцарапано, как будто его швырнули в минуту гнева.

– Как так вышло, что у вас в запасе есть обручальное кольцо, мистер Стокер? Вы что, имеете обыкновение похищать молодых женщин и выдавать их за своих жен?

– Не ваше дело, – отрезал он. – Теперь будете откликаться на имя «миссис Стокер», пока мы будем у моих друзей. Можете обращаться ко мне «Стокер» или «муж», мне неважно.

– Может быть, лучше Люцифер? – пробормотала я себе под нос.

Он не отреагировал на мое замечание и спросил:

– Какое у вас имя в крещении?

– Можете звать меня миссис Стокер, – посоветовала я, гордо вздернув подбородок. Он грубо рассмеялся.

– Ни один мой знакомый не поверит, что я могу так формально обращаться к женщине, на которой женат. Какое имя вам дано при крещении?

– Вероника, – ответила я наконец.

Он уставился на меня.

– То есть как растение вероника семейства подорожниковых, известное также как «спидвелл»? Вы шутите!

– Вовсе нет, – ответила я с возмущением. – Моя тетя Люси увлекалась садоводством.

– И поэтому сделала из вашего имени своего рода бота-

ническую шутку?

– Вероника – очень полезное растение, – заметила я. – Ее называют также синюшкой или козьей мордой, и это самый популярный представитель семейства подорожниковых. Ее очень хорошо заваривать при простуде.

– Боже, пожалуй, вы должны быть ей благодарны за то, что она не назвала вас козьей мордой! А попроще имени у вас нет? Как вас звали, например, другие дети или сердечный друг?

– Я не играла с другими детьми, а мои сердечные друзья, как вы сами только что грубо выразились, – не вашего ума дело.

Он приподнял бровь.

– Друзья? Во множественном числе? Вы темная лошадка, не правда ли?

Я ничего не ответила, и он вздохнул.

– Ну хорошо. Пока мы будем здесь, вы будете для меня моей милой Вероникой.

Он сунул мою руку себе под локоть и прижал ее, пожалуй, слишком крепко для того, чтобы это показалось приятным.

– А теперь улыбайтесь и смотрите на меня с обожанием. Мы на месте.

Тишину нарушали лишь шорох ночных существ и редкие трели соловья. Лагерь – пестрое собрание шатров, телег и цыганских кибиток – дремал. То тут, то там в темноте мелькали огни, будто светлячки, и только по одному шатру мож-

но было понять, что кто-то не спит. Это был большой шатер в красно – золотую полосу, у входа в который на легком ветру покачивались китайские фонарики. Мистер Стокер крепко держал меня под локоть, пока мы шли через лагерь. Каждый шатер или фургон был раскрашен в свой цвет, но мы двигались очень быстро, и я не успевала их рассмотреть. Наконец мы добрались до большого шатра и остановились перед ним, так что я успела прочесть плакат, растянутый над входом, выведенный изящными буквами с вензелями: «Бродячий цирк уродств профессора Пигопагуса».

Мы пришли.

Глава девятая

Я не успела ни о чем спросить, потому что мистер Стокер уже дернул за ленту с колокольчиками, висевшую у порога, и позвонил. Изнутри доносилась музыка: странные, будто потусторонние звуки, полные грусти и томления, – ее было почти физически больно слушать, такой острой казалась эта тоска. Послышался голос:

– Стокер, ну наконец-то,ходи!

Мистер Стокер приподнял полог и жестом велел мне следовать за ним. Я шагнула внутрь, и передо мной открылась сцена прямиком из какого-то странного сна. Стены шатра были завешаны ярким шелком и множеством китайских фонариков, пол – устлан слоем тонких турецких ковров. Но мое внимание привлек не необычный интерьер. Шатер был полон людей, и ни один из них не походил ни на кого из тех, с кем я встречалась прежде. Там была женщина, невообразимо толстая, она сидела на стуле размером с три сдвинутых вместе кресла. В руках она держала тарелку пирожных с кремом и была полностью ими поглощена, управляясь с ними при этом с определенным изяществом. Рядом с ней стоял мужчина с головой льва, черты лица которого скрывали густые волосы не менее четырех дюймов в длину; одет он был в военную форму с потрясающим набором наград и медалей на груди. Его рука покоилась на спинке инвалидного крес-

ла, в котором дремала невероятно старая дама. Далее стоял самый большой мужчина из всех, что мне доводилось встречать; мистер Стокер казался мне высоким со своими шестью футами роста, а этот имел не менее семи и такое нагромождение мускулов во всем теле, какое я видела лишь на карикатурах. Дальше вплотную стояли два стула без подлокотников, и я скоро поняла, почему они расположены именно так. Два джентльмена, сидевших на них, были соединены в области ребер и располагались рядом, как корешки книг: касаясь друг друга спиной и плечами. У одного из братьев в руках был аккордеон – источник странной музыки, а другой держал только тонкую сигарету в мундштуке в фут длиной, которой он замахал, когда мы вошли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.